

STUDIA  
RELIGIOSA

---



ПИТЕР БРАУН

---

MMP  
ПОЗДНЕЙ  
АНТИЧНОСТИ

---



150–750 ГОДЫ НАШЕЙ ЭРЫ

*Studia religiosa*

Питер Браун

**Мир поздней Античности  
150–750 гг. н.э.**

«НЛО»

2000

## **Браун П.**

Мир поздней Античности 150–750 гг. н.э. / П. Браун — «НЛО»,  
2000 — (Studia religiosa)

ISBN 978-5-44-482330-3

Период между 150 и 750 годами н. э. – эпоха, в которую навсегда исчезают казалось бы самые незыблемые античные институты. К 476 году в Западной Европе прекратила свое существование Римская империя, а к 655 году на Ближнем Востоке – Персидская империя. Ставшее уже классическим исследование Питера Брауна – это попытка понять, что отличало позднеантичный мир от классической античной цивилизации и как эти перемены предопределили разные пути развития Европы и Ближнего Востока. Автор исследует социальные трансформации и реакцию современников на них, чтобы ответить на один из ключевых вопросов мировой истории: как и почему средиземноморский мир около 200 года н. э. распался на три различных общества Средневековья – католическую Западную Европу, православную Византию и исламский Ближний Восток? Питер Браун (род. 1935) – один из основоположников позднеантичных штудий, профессор истории Принстонского университета.

ISBN 978-5-44-482330-3

© Браун П., 2000  
© НЛО, 2000

## Содержание

Предисловие	6
Часть первая: позднеримская революция	9
I. Общество	9
1. Границы классического мира: ок. 200 года н. э	9
2. Новые правители: 240–350 годы	17
3. Восстановленный мир: римское общество в IV веке	27
II. Религия	38
4. Новое настроение: направления религиозной мысли, ок. 170–300 годов	38
5. Кризис городов: возвышение христианства, ок. 200–300 годов	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

# Питер Браун

## Мир поздней Античности. 150—750 гг. н. э

УДК 94(4/6)«150/750»

ББК 63.3(0)329

Б87

Редактор серии С. Елагин

Научный редактор: канд. ист. наук О. В. Ауров

Перевод с английского С. А. Воронцова (главы 2–8, 11–16), Е. Ю. Решиковой (главы 1, 9, 10), М. Ю. Биркина (предисловие)

Питер Браун

Мир поздней Античности: 150—750 гг. н. э. / Питер Браун. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – (Серия «Studia religiosa»).

Период между 150 и 750 годами н. э. – эпоха, в которую навсегда исчезают казалось бы самые незыблемые античные институты. К 476 году в Западной Европе прекратила свое существование Римская империя, а к 655 году на Ближнем Востоке – Персидская империя. Ставшее уже классическим исследование Питера Брауна – это попытка понять, что отличало позднеантичный мир от классической античной цивилизации и как эти перемены предопределили разные пути развития Европы и Ближнего Востока. Автор исследует социальные трансформации и реакцию современников на них, чтобы ответить на один из ключевых вопросов мировой истории: как и почему средиземноморский мир около 200 года н. э. распался на три различных общества Средневековья – католическую Западную Европу, православную Византию и исламский Ближний Восток? Питер Браун (род. 1935) – один из основоположников позднеантичных штудий, профессор истории Принстонского университета.

ISBN 978-5-4448-2330-3

Published by arrangement with Thames & Hudson Ltd, London

*The World of Late Antiquity* © 2000 Thames & Hudson Ltd, London

Text © 2000 Peter Brown

© С. А. Воронцов, Е. Ю. Решикова, М. Ю. Биркин, перевод с английского, послесловие, 2024

© М. Ю. Биркин, комментарии, 2024

© Д. Черногаев, дизайн серии, 2024

© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

## Предисловие

Эта книга – исследование социальных и культурных изменений. Я надеюсь, что, ознакомившись с ней, читатель получит представление о том, как и даже почему мир поздней Античности (примерно с 200 по 700 год н. э.) стал столь непохожим на «классическую» цивилизацию и как, в свою очередь, стремительные перемены той эпохи предопределили разные пути развития Западной и Восточной Европы и Ближнего Востока.

При изучении этой эпохи необходимо постоянно осознавать напряжение между изменениями и преемственностью, существовавшее в этом исключительно древнем и прочно утвердившемся мире вокруг Средиземного моря. С одной стороны, это то печально известное время, когда безвозвратно исчез ряд античных институтов, чье отсутствие для человека середины III века н. э. было просто невообразимо. К 476 году Римская империя прекратила свое существование в Западной Европе, к 655 году Персидская империя – на Ближнем Востоке. Писать о мире поздней Античности в духе меланхоличной истории «Заката и падения»<sup>1</sup> слишком просто: если смотреть со стороны Запада – это конец Римской империи, если со стороны Ирана – конец Сасанидской империи. С другой стороны, мы все больше осознаем те новые, удивительные истоки, которые связаны с этой эпохой: мы движемся в их направлении, чтобы выяснить, почему Европа стала христианской, а Ближний Восток – мусульманским. Мы стали высокочувствительны к «современному» характеру нового, абстрактного искусства той поры. Сочинения таких людей, как Плотин или Августин, удивляют нас, будто – как в какой-то необычной увертюре – мы уловили звуки столь многих мелодий, которые чувствительный европеец стал считать более «современными» и ценными, чем в своей собственной культуре.

Глядя на мир поздней Античности, мы оказываемся перед выбором, погрузиться ли в полную сожалений думу о древних руинах или воодушевленно восхвалять новый этап развития. Чего нам часто недостает, так это чувства того, каково было жить в том мире. Подобно многим современникам тех изменений, о которых написано ниже, мы становимся или крайними консерваторами, или истеричными радикалами. Римский сенатор мог писать так, будто он еще жил во времена императора Августа, а затем, как и многие в конце V века, очнуться, поняв, что в Италии уже больше нет никакого римского императора. В свою очередь, христианский епископ мог приветствовать бедствия варварских вторжений, как если бы они бесспорно обратили людей от мирской культуры к Небесному Иерусалиму. Впрочем, делает он это все еще на латинском или греческом языке, неосознанно следуя образцам классической литературы. Наконец, его представления о вселенной, предубеждения и модели поведения по-прежнему выдают в нем человека, который еще крепко связан с восемью веками жизни Средиземноморья.

Как обратиться к великому прошлому, не «приглушив» изменения? Как меняться, не теряя своих корней? И прежде всего, что делать с чужаками среди вас – что делать с людьми, исключенными из традиционно аристократического общества, что делать с мыслями, которые не находят выражения в традиционной культуре, с потребностями, не артикулированными в общепринятой религии, с настоящими чужеземцами из-за границы. Это те проблемы, с которыми сталкивается любое цивилизованное общество. В эпоху поздней Античности они были в высшей степени насущными и требующими внимания. Я не могу представить себе, что читатель может быть настолько равнодушен к образу античных Греции и Рима или к влиянию христианства, чтобы не стремиться прийти к какому-либо мнению о мире поздней Античности, в котором произошла радикальная трансформация греко-римской цивилизации и победа хри-

---

<sup>1</sup> Отсылка к знаменитому труду Эдварда Гиббона (1737–1794): *Гиббон Э. Закат и падение Римской империи* / В 7 кн. М.: Терра, 2008 (прим. ред.).

стианства над классическим язычеством. Однако мне следует пояснить, что, предоставляя свидетельства, я сконцентрировался на том, каким именно образом люди поздней Античности справлялись с проблемой перемен.

Римская империя раскинулась на обширных и непохожих друг на друга землях – изменения, которые она испытывала в эту эпоху, были сложны и многообразны. Они охватывают множество процессов, начиная с очевидных и хорошо документированных явлений, таких как, например, последствия войн и высокая налоговая нагрузка на общество в III–IV веках, и заканчивая глубинными и загадочными сдвигами, наподобие тех, что влияют на отношения людей к их собственному телу или ближайшим соседям. Потому я надеюсь, что читатель терпит, если я начну первую часть этой книги с трех глав, где в общих чертах обрисовываются изменения в общественной жизни империи с 200 по 400 год, а затем вернусь, чтобы проанализировать те менее публичные, но столь же решительные перемены в религиозных воззрениях, случившиеся в течение того же промежутка времени. Я постарался четко обозначить те места, где считаю, что изменения в социальных и экономических условиях в жизни империи были тесно переплетены с религиозными трансформациями эпохи.

В течение всего рассматриваемого периода ареной основных изменений служили Средиземноморье и Месопотамия. По отношению к этим областям мир северных варваров оставался периферийным. Британия, Северная Галлия, как и дунайские провинции после славянских вторжений конца VI века, выходят за пределы моей компетенции. К Восточному Средиземноморью тяготеет само повествование, и его завершение в Багдаде Харун ар-Рашида более естественно, чем в далеком Ахене его современника – Карла Великого. Я надеюсь, что читатель (и особенно медиевист, привычный к обзорам, уделяющим особое внимание возникновению западного постримского общества) простит меня, если я ограничусь обозначенным регионом. По Западной Европе у него уже есть надежные справочники, перед которыми мы оба в равной степени в долгу.

Никто не может отрицать тесной связи между социальной и духовной эволюцией в эпоху поздней Античности. Тем не менее просто по той причине, что эта связь настолько тесная, их взаимодействие не может быть сведено к простой причинно-следственной связи. Нередко историки только и могут сказать, что определенные изменения соотносятся таким образом, что одно не может быть понято независимо от другого. История мира поздней Античности, посвященная только императорам и варварам, солдатам, землевладельцам и сборщикам налогов, дала бы такую же бесцветную и нереальную картину сущностных характеристик той эпохи, как если бы рассказ уделял внимание лишь отшельникам, монахам, мистикам и великим богословам того времени. Читателю предстоит решать самому, поможет ли ему мой рассказ понять причины столь многих и разнообразных изменений, в соединении породивших очень своеобразный период европейской истории – эпоху поздней Античности.

Выверка этого текста стала возможной во многом благодаря бдительности Филиппа Руссо, чье внимание, как обычно, не ограничивается простой правкой дат и цитат. Появлением эта книга более всего обязана моей жене, с которой я давно рад разделять любопытство и особую чувствительность к эпохам перемен.



*Илл. 1. Барочный век. Дерзкие арки и богатая резьба по камню свидетельствуют о постепенном отказе от классики. Этот театральный стиль служил тем фоном, на котором разворачивалась жизнь сообществ, ценивших выступления «звезд» и широкие публичные жесты. Типичный местный магнат, добившийся успеха, – император Септимий Север (193–211) – подарил родному городу Лептис Магна (Тунис) это и другие здания в подобном стиле. – Арки, окружавшие площадь форума. Форум в Лептис-Магне, II век. Ливия.*



## ***Часть первая: позднеримская революция***

### **I. Общество**

#### **1. Границы классического мира: ок. 200 года н. э**

«Мы живем вокруг моря, – говорил Сократ своим афинским друзьям, – как лягушки вокруг пруда»<sup>2</sup>. Семьсот лет спустя, в 200 году н. э., классический мир по-прежнему теснится вокруг этого «пруда» – он все еще был сосредоточен по берегам Средиземноморья. Центры современной Европы расположены далеко на севере и на западе относительно мира античных людей. Для них приехать в область Рейна – значило оказаться на «полпути к варварам»: один типичный южанин даже проделал весь путь из Трира назад в Павию, чтобы привезти домой тело своей умершей жены и похоронить ее вместе с предками!<sup>3</sup> Греческому сенатору из Малой Азии, отправленному наместником на Дунай, оставалось только посочувствовать самому себе: «Жители... влечат самое жалкое существование среди представителей рода людского, – писал он, – потому что они не выращивают олив и не пьют вина»<sup>4</sup>.

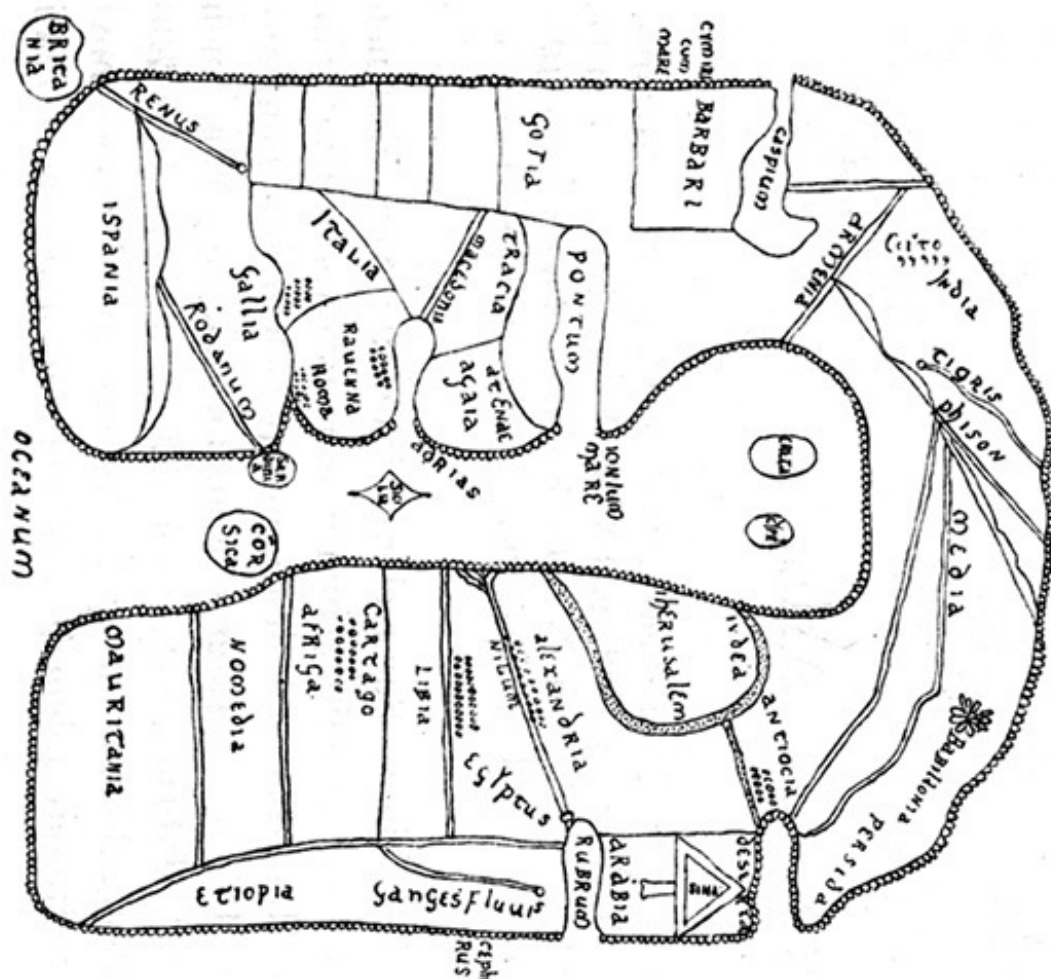
Римская империя простиралась ровно настолько, насколько во времена Республики и Ранней империи казалось необходимым, чтобы защищать и обогащать классический мир, к тому моменту веками существовавший по берегам Средиземного моря. В Римской империи эпохи ее расцвета во II веке больше всего поражает тот невероятный прилив средиземноморской жизни, чьи волны разошлись от побережья сильнее, чем когда бы то ни было раньше. В Северной Африке и на Ближнем Востоке они никогда больше не будут простираться так далеко. Какое-то время офицерская столовая, созданная по образцу итальянской загородной виллы, выходила окнами на Грампианские горы Шотландии. Тимгад – подобный шахматной доске город с амфитеатром, библиотекой, статуями классических философов, взиравшими на горы Ходны, – раскинулся на ныне безжизненных землях в глубине современного Алжира. В гарнизонном городе Дура-Европос, на Евфрате, соблюдался тот же самый календарь общественных праздников, что и в Риме. Позднеантичный мир воспринял это изумительное наследие. Одна из самых больших проблем в период с 200 по 700 год: как по всей территории огромной империи сохранить тот образ жизни и культуры, который изначально возник на узкой береговой линии, усеянной классическими городами-государствами?

---

<sup>2</sup> Платон. Федон 109 В (*прим. пер.*).

<sup>3</sup> Речь идет о Фабии Маяне и его жене Валерии Винценции, о которых известно из эпитафии II–III веков (*прим. пер.*).

<sup>4</sup> Ср.: Дион Кассий. Римская история. XLVI. 39. 2–3 (*прим. пер.*).



Илл. 2. Лягушатный пруд. Карта из Альби VIII века помещает Средиземноморье в центр мира. Британия (слева сверху) представлена как маленькое пятнышко; но дельта Нила и Евфрат (снизу в центре и сбоку) изображены в подробностях. Из кн.: Miller, Konrad. *Die kleineren Weltkarten*. Stuttgart: N. p., 1895. P. 58.



Илл. 3. Обременительное путешествие по земле. «Поскольку наш город расположен далеко от моря, – пишет житель Малой Азии IV века, – он не может ни избавиться от излишка, ни импортировать то, что ему нужно во время голода». Рельеф из Адамклицы (Tropaeum Traiani), 108–109 годы н. э. Фото: Cristian Chirita.

Прежде всего, классическое Средиземноморье – это мир, который всегда находился на грани голода. Ведь Средиземное море окружено горными цепями: его плодородные равнины и речные долины похожи на обрывки кружева, пришитые к мешковине. Многие величайшие города классического периода располагались у самого подножия неприступных гор. Каждый

год их обитатели грабили окружающую сельскую местность, чтобы прокормить себя. Описывая симптомы широко распространенного в сельской местности во II веке истощения, врач Гален замечает: «Горожане, по обыкновению, собирали и откладывали достаточное количество зерна на весь грядущий год сразу после урожая. Они забирали всю пшеницу, ячмень, бобы и чечевицу, а то, что осталось, доставалось сельским жителям»<sup>5</sup>. В этом свете история Римской империи – это история того, как 10 процентов населения, которые жили в городах и повлияли на ход развития европейской цивилизации, питались так, как описывает Гален, трудами остальных 90 процентов, пахавших землю.

Еда была самым ценным товаром в античном Средиземноморье. Еду нужно было привозить. Лишь немногие крупные города Римской империи могли рассчитывать на то, что окрестные территории смогут обеспечить их потребности. Рим долгое время зависел от прибытия из Африки кораблей с зерном; к VI веку Константинополь завозил 175 200 тонн пшеницы из Египта.

Во всех примитивных транспортных системах вода является тем, чем для современности стали рельсы: абсолютно незаменимым каналом транспортировки тяжелых грузов. Перевозка груза по морю или большой реке была делом быстрым и недорогим; перемещение его по земле было невероятно медленным и разорительным. Дешевле было переправить корабль с зерном из одного конца Средиземного моря в другой, чем везти его еще семьдесят пять миль вглубь страны.

Итак, Римская империя всегда состояла из двух пересекающихся миров. Вплоть до 700 года н. э. большие приморские города были тесно связаны: двадцать дней безоблачного плавания – и путешественник попадал из одного конца Средиземноморья – центра римского мира – в другой. Вдали от моря жизнь римлян всегда имела тенденцию концентрироваться в маленьких оазисах – подобно каплям воды на подсыхающей поверхности. Римляне знамениты дорогами, соединявшими империю: но эти дороги проходили через города, жители которых добывали все, чем питались, и большую часть того, чем пользовались, в радиусе всего лишь 30 миль от места своего проживания.

Именно в глубине страны, по обочинам больших дорог огромные издержки империи были наиболее заметны. В постоянных попытках сохранить единство проявлялись самые неприглядные стороны Римской империи – жестокость и неповоротливость. Солдаты, администраторы, курьеры, их продовольствие должны были постоянно перемещаться из одной провинции в другую. С высоты императорского трона в 200 году римский мир представлялся как запутанная сеть дорог, на которой яркими точками выделялись перевалочные пункты, куда все местные сообщества должны были поставлять для содержания двора и армии в качестве налога с каждым разом все больше еды, одежды, животных и рабочей силы.

Но для тех, кто обслуживал эту машину, принуждение было не внове. В чем-то эти методы были так же стары, как сама цивилизация. В Палестине, например, Христос предупреждал своих слушателей, как следует себя вести, если чиновник «принудит тебя идти с ним (и нести его вещи) одно поприще» (Мф 5: 41). Само слово, которое евангелист использует в значении «принудить»<sup>6</sup>, изначально не было греческим: оно происходит из персидского языка, и на тот момент ему было уже более 500 лет – его использовали еще Ахемениды, когда применяли те же жестокие методы для обеспечения работы легендарных дорог своей огромной империи.

И все же Римская империя, которая к 200 году расползлась далеко за пределы Средиземноморья, сохраняла единство за счет иллюзии, что она все еще представляет собой очень маленький мирок. Редко когда судьба целого государства зависит от столь изящного трюка.

<sup>5</sup> De probis pravisque alimentorum succis. Cap. 1 (Kühn C. G., ed. (1821–1833) Claudii Galeni opera omnia. Leipzig. Bd. 6. S. 749–750) (прим. пер.).

<sup>6</sup> Греч. ἀγγαρεύω – принудить кого-то выступить гонцом; в широком смысле: дать поручение, реквизировать, принудить к службе (прим. пер.).

К 200 году империей управляла аристократия удивительно единообразная в плане культуры, вкуса и языка. На Западе сенаторский класс оставался той устойчивой и «абсорбирующей» элитой, которая по-прежнему доминировала в Италии, Африке, на юге Франции и в долинах рек Эбро и Гвадалquivир. На Востоке вся культура и вся власть на местах оставались сконцентрированными в руках надменной олигархии греческих городов. В греческом мире не существовало таких различий в лексике или произношении, по которым можно было бы определить место рождения образованного оратора. На Западе говорившие на двух языках аристократы свободно переходили с латыни на греческий. Так, африканский землевладелец чувствовал себя вполне как дома в литературном салоне состоятельных греков в Смирне.

А между тем это впечатляющее единообразие поддерживали люди, смутно чувствовавшие, что существование классической культуры исключало существование какой-либо альтернативы их собственному миру. Как в случае с многими космополитическими аристократиями (будь то представители европейских династий эпохи позднего феодализма или аристократы Австро-Венгерской империи), люди одного класса и культуры в любой части римского мира чувствовали себя гораздо ближе друг к другу, чем к подавляющему большинству своих непосредственных соседей – «недоразвитым» крестьянам. Существование «варвара» оказывало неявное, но неослабевающее давление на культуру Римской империи. «Варваром» был не только первобытный воин по ту сторону границы – к 200 году к этому внешнему «варвару» присоединился и внутренний, непричастный к римской культуре. Аристократ шествовал от одного форума к другому такому же, разговаривая на общем языке, соблюдая обычаи и нормы поведения, общие для всех образованных людей; но путь его простирался через территории, населенные соплеменниками, настолько же чужими для него, как, скажем, германцы или персы. В Галлии сельские жители все еще говорили на кельтском языке; в Северной Африке – на пуническом и ливийском; в Малой Азии в ходу были древние диалекты, такие как ликаонский, фригийский и каппадокийский; в Сирии говорили на арамейском и сирийском.

Правящие классы Римской империи, существуя бок о бок с этим колоссальным неассимилированным «варварским» миром, смогли по большей части избежать самых страшных форм высокомерия, свойственных современным колониальным режимам: римляне известны своей терпимостью к другим народам и местным культам. Но ценой, которую они требовали заплатить за включение в их собственный мир, было приспособленчество – усвоение римского образа жизни, традиций, образования, а также двух классических языков – латыни на Западе и греческого на Востоке. Те, кто не мог в этом участвовать, не принимались всерьез: их откровенно презирали как «мужланов» и «варваров». Тех, кто мог, но не хотел участвовать, – в первую очередь евреев – в разной степени ненавидели и презирали, изредка с оттенком уважительного любопытства к представителям древней ближневосточной цивилизации. Те, кто когда-то участвовал, но демонстративно «отпал», а именно христиане, подлежали казни по упрощенной процедуре. К 200 году многие провинциальные губернаторы и целые толпы народа уже не единожды имели повод с истерической уверенностью броситься на защиту границ классического мира от внутренней угрозы – инакомыслящего христианина. Как сказал христианам один магистрат, «я не в силах выслушать человека, который дурно говорит о римской религии»<sup>7</sup>.

Классическое общество около 200 года было обществом с жесткими границами. Тем не менее оно не находилось в состоянии застоя. Классическая традиция к этому моменту существовала в греческом мире уже около 700 лет. И первый всплеск ее творческой активности, случившийся в Афинах, не должен заслонять от нас тот впечатляющий ритм выживания, который устанавливается в греческой культуре со времен завоеваний Александра Великого: такой

<sup>7</sup> Судя по всему, речь о словах проконсула Публия Вигеллия Сатурнина из «Актос скилитанских мучеников», см.: Акты скилитанских мучеников. 5 (прим. пер.).

же протяжный, полный тонких нюансов и терпимый к повторениям, как григорианский распев. Очередное возрождение случилось во II веке н. э.; оно совпало с экономическим подъемом и восстановлением политической инициативы в высших слоях общества греческих городов. Эпоха Антонинов была золотым веком греческих софистов. Эти люди, прославившиеся своей преданностью риторике, были одновременно литературными знаменитостями и политическими и финансовыми тяжеловесами. Они обладали огромным влиянием и невероятной популярностью: один из них – Полемон из Смирны – «с городами говорил свысока, с властью имущими – непокорно, с богами – на равных»<sup>8</sup>. За ними стояли процветающие города Эгейского моря. Гигантские античные руины в Эфесе и Смирне (да и другие современные им города и храмы, от Лептис-Магны в Тунисе<sup>9</sup> до Баальбека в Ливане) представляются нам сейчас олицетворением не подверженного влиянию времени античного мира. На самом деле это барочное великолепие было создано всего за несколько поколений между Адрианом (117–138) и Септимием Севером (193–211).

И как раз в конце II – начале III века был собран тот запас греческой культуры, который обеспечивал устойчивость классической традиции на протяжении всего Средневековья. Именно в этот период были составлены энциклопедии, руководства по медицине, справочники по естествознанию и астрономии, которыми все культурные люди – латиняне, византийцы, арабы – пользовались на протяжении следующих полутора тысяч лет. Литературные вкусы и политические взгляды, просуществовавшие в греческом мире до конца Средних веков, впервые были сформулированы в эпоху Антонинов: знатные византийцы XV века все еще пользовались тем вычурным вариантом аттического диалекта греческого языка, который был введен в оборот софистами эпохи Адриана.

К этому времени греческий мир отождествил себя с Римской империей. Эта включенность в римское государство и едва уловимые изменения в расстановке акцентов, которые она влекла за собой, хорошо прослеживаются на примере одного грека из Вифинии: Дион Кассий, автор «Римской истории» (освещающей события вплоть до 229 года н. э.), став сенатором, присоединился к римскому правящему классу. Несмотря на то что Дион с большим энтузиазмом усвоил мировоззрение членов римского Сената, мы постоянно встречаем напоминания о том, что, когда империя пришла к грекам, просвещенный деспотизм был для нее привычным, веками существующим порядком. Дион знал, что римский император – самодержец. Единственное, что его сдерживало, – это уважение к приличиям и общность интересов с образованными высшими слоями общества – а не хрупкие механизмы политического устройства, созданные императором Августом. А Дион не понаслышке знал, насколько они могут быть непрочными: он присутствовал на одном заседании Сената, на котором астролог обвинил неких «лысоголовых людей» в заговоре против императора... рука Диона тогда машинально потянулась ощупать макушку<sup>10</sup>. Но Дион принимал сильную единоличную власть, поскольку она гарантировала ему упорядоченность мира: только император мог подавить гражданскую войну; только он мог поддерживать порядок в раздираемых распрями греческих городах; только он мог гарантировать безопасность и уважение тому классу, к которому принадлежал Дион. Византийские ученые, которые обращались к Диону несколько столетий спустя, чтобы получить представление о римской истории, совершенно терялись в его повествованиях о героях римской республики; но прекрасно могли понять сильных и добросовестных импера-

<sup>8</sup> Флавий Филострат. Жизни софистов/ Под общим руководством Е. Г. Рабинович. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 182 (прим. пер.).

<sup>9</sup> На самом деле руины города Лептис-Магна располагаются на территории современной Ливии, в 120 километрах к востоку от города Триполи. См.: Brogan O. Ph. F., Wilson J. A. Lepcis Magna // Oxford Classical Dictionary. 2016. <https://oxfordre.com/classics/view/10.1093/acrefore/9780199381135.001.0001/acrefore-9780199381135-e-3651> (прим. ред.).

<sup>10</sup> Дион Кассий. Римская история. LXXVII. 8. 1 – 9. 1. У Диона идет речь о сенаторе, якобы слышавшем сон, который поведала наместнику Азии Априониану его кормилица: тот в ее сновидении стал императором (прим. пер.).

торов его эпохи – римская история, написанная греком в конце II – начале III века н. э., уже была *их* историей.

Смещение центра притяжения Римской империи в сторону греческих городов Малой Азии, расцвет греческого мандарината – все эти особенности цветущей эпохи Антонинов уже указывают на Византию. Но современники Диона Кассия все еще упорно смотрели в другую сторону: они были убежденными консерваторами; их самый большой успех выражался в культурной реакции; для них границы римского мира все еще были четкими и неизменными. Такой человек, как Дион, не мог даже помыслить себе будущую Византию – цивилизацию, которая на фундаменте столь древней и обращенной в прошлое традиции смогла создать такие революционные новшества, как превращение христианства в официальную религию и основание Константинополя как Нового Рима. (Например, он и словом не обмолвился о существовании христианства, хотя христиане на тот момент докучали властям в его родной стране уже более 150 лет.) Такая цивилизация могла появиться только в результате позднеримской революции III и IV веков н. э.<sup>11</sup>



*Илл. 4. В тени Персии. Римский император Валентиниан показан как вассал, преклоняющий колена перед Шапуrom I, который изображен преемником Дария и Ксеркса, что обосновывает его право на восточные провинции Римской империи. Рельеф в Бишапуре, вторая половина III века н. э.*

Сквозной темой этой книги является смещение и переосмысление границ классического мира после 200 года н. э. Эта тема практически не связана с традиционной проблемой «Заката и падения Римской империи». «Закат и падение» коснулись только политической структуры западных провинций Римской империи: культурный центр поздней Античности,

<sup>11</sup> Аллюзия на книгу Рональда Сайма «Римская революция» (Syne R. The Roman Revolution. Oxford: Clarendon Press, 1939) (прим. пер.).

находившийся на востоке Средиземноморья и Ближнем Востоке, не пострадал. Даже в варварских государствах Западной Европы VI и VII веков Римская империя, в том виде, в котором она сохранилась в Константинополе, все еще считалась величайшим цивилизованным государством в мире, и называли ее древним именем – *Respublica* (см. с. 145–146). Самых же людей эпохи поздней Античности остро волновал совсем другой вопрос – болезненная проблема трансформации древних границ.

В географическом отношении влияние Средиземноморья ослабевало. После 410 года была оставлена Британия; после 480 года Галлия попала под твердую руку Севера. На Востоке, парадоксальным образом, Средиземноморье отхлынуло раньше и почти незаметно, но это оказалось решающим фактором. Вплоть до I века н. э. многие области Иранского нагорья внешне еще принадлежали к греческой цивилизации: греко-буддистское искусство в Афганистане переживало период расцвета, а эдикты буддийского правителя<sup>12</sup> в переводе на безупречный философский греческий язык будут обнаружены в окрестностях Кабула. Но в 224 году контроль над Персидской империей получила некая семья из Фарса (который можно назвать «Глубоким Югом» иранского шовинизма). И возрожденная Персидская империя этой (Сасанидской) династии быстро стянула с плеч греческий маскарадный костюм. Теперь на восточных рубежах Римской империи стояла эффективная и агрессивная империя, правящие классы которой были абсолютно невосприимчивы к западному влиянию. В 252, 257 и, еще раз, в 260 году великий шахиншах, царь царей Шапур I показал, сколь великий ущерб могут нанести его закованные в броню всадники: «Цезарь Валериан выступил против нас с семьюдесятью тысячами человек... и мы сразились с ним, и взяли Валериана Цезаря своими руками... И провинции Сирии, Киликии и Каппадокии мы пожгли огнем, мы разорили и покорили их, захватив в плен их народы»<sup>13</sup>.

Страх повторить этот опыт вынудил императора отвлечься от проблем на Рейне и все больше и больше внимания уделять ситуации на Евфрате. Что еще важнее, конфликт с сасанидской Персией нарушил целостность границ классического мира на Ближнем Востоке: благодаря ему Месопотамия получила известность, а римский мир оказался открыт мощному влиянию неизмеримого творческого потенциала этого экзотического региона в искусстве и религии (см., в частности, с. 178–179).

Не всегда решающими являются общепринятые даты. Все знают, что готы разграбили Рим в 410 году; но в утраченных западных провинциях империи на протяжении нескольких столетий сохранялся легко узнаваемый «полуримский» характер цивилизации. Напротив, когда восточные провинции империи отошли мусульманам после 640 года, эти общества не долго оставались «полувизантийскими» – они подверглись стремительной «ориентализации». Потому что покоренная мусульманами необъятная громада Персидской империи тянула ислам на восток от его изначальных завоеваний. В VIII столетии средиземноморским побережьем стали управлять из Багдада; Средиземное море получило статус глухой заводи среди людей, привыкших начинать свое плавание в Персидском заливе; а двор Харун ар-Рашида (788–809), изобилующий атрибутикой «полуперсидской» культуры, служил напоминанием того, что начало постепенной, но уверенной и необратимой победы Ближнего Востока над греками было положено восстанием в Фарсе в 224 году н. э.

Волны Средиземноморья отступали, обнажая более древний мир: ремесленники в Британии вернулись к художественным формам латенского периода; серв в римской Галлии возвратил себе кельтское имя *vassus*; коптские отшельники Египта – блюстители благочестия римского мира – возродили язык фараонов (см. с. 103), а гимнографы Сирии осыпали Хри-

<sup>12</sup> Судя по всему, П. Браун имеет в виду эдикты Ашоки (268–232 годы до н. э.) (прим. пер.).

<sup>13</sup> Надпись Шапура на «Ка'бе Зороастра». ŠKZ. III.3. Браун использовал следующее издание: Sprengling M. Third Century Iran, Sapor and Kartir. Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 16 (прим. пер.).



ста титулами, восходящими к шумерской идее божественной царственности. Вокруг самого Средиземного моря рушились внутренние преграды. На поверхность вышла другая сторона римского мира, долго возраставшая во мраке безвестности (см. с. 46–47) – так же, как, перевернутый плугом, наверх поднимается суглинок другого цвета. Дион Кассий игнорировал христианство, а три поколения спустя оно стало религией императоров (см. с. 93 и далее). Иногда мелочи вернее свидетельствуют о переменах, поскольку это свидетельство неосознанное. В IV столетии недалеко от Рима скульптурная мастерская все еще изготавливала статуи, облаченные в безупречную древнеримскую тогу (со специальным углублением для крепления портретной головы!). Однако аристократы, заказывавшие такие скульптуры, на самом деле носили одежду, свидетельствовавшую о продолжительных контактах с несредиземноморскими «варварами»: шерстяную рубаху с Дуная, плащ из Северной Галлии, закрепленный на плечах ажурной фибулой из Германии, и даже «саксонские» штаны, чтобы защитить свое здоровье. Еще глубже, в самом сердце Средиземноморья, греческая философская традиция нашла способ открыться иному религиозному настроению (см. с. 78 и далее).

Такого рода перемены лучше всего характеризуют эволюцию позднеантичного мира. В следующих двух главах мы рассмотрим политический и социальный контекст той революции, которая положила начало этим переменам в конце III и IV столетии.

## 2. Новые правители: 240–350 годы

Дион Кассий отложил перо в 229 году безо всяких дурных предчувствий. Его внук и правнук могли быть свидетелями восшествия на престол Диоклетиана в 284 году и обращения Константина в христианство в 312 году. Приведу более известный пример: святой Киприан, епископ Карфагенский, претерпел мученическую кончину в 258 году. Секретарь Киприана, будучи глубоким стариком, был в состоянии рассказать старшему другу святого Иеронима (родившемуся около 342 года), какие книги великий епископ предпочитал. Мы не должны упускать из виду неприметные связи такого рода между поколениями. Языческая Римская империя Киприана в середине III века может показаться нам бесконечно далекой от христианской «поздней» Римской империи Иеронима конца IV века, однако Римская империя была огромным неповоротливым обществом. Подавляющая часть ее богатств находилась в сфере сельского труда, а большая часть ее населения жила натуральным хозяйством. Империя, таким образом, была хорошо защищена от последствий политической нестабильности, длившейся на протяжении двух поколений, и вторжения варваров после 240 года.

После 240 года широко раскинувшейся империи пришлось столкнуться с вторжением варваров и политической нестабильностью в масштабе, к которому она оказалась абсолютно не готова. Условия, в которых империя преодолела кризис, случившийся между 240 и 300 годами, определили характер будущего развития позднеантичного общества.

Кризис сделал явным контраст между древним средиземноморским ядром империи и более примитивным и хрупким миром, расположившимся вдоль ее окраин. Вокруг Средиземного моря война стала маловероятной случайностью. Абсолютное господство традиционной аристократии в политике и культурной жизни империи находилось в прямой зависимости от длительного мира. Однако на северных территориях и вдоль восточной границы, обращенной к Армянскому и Иранскому нагорью, было очевидно, что мир – лишь исключение из правила. Римская империя – наряду с Китаем – была одним из крайне немногочисленных государств Древнего мира, которые даже пытались устроить оазис гражданского правления среди сообществ, которые всегда жили войной. После возрождения Персии в 224 году, формирования конфедерации готов в Дунайском бассейне после 248 года и распространения боевых отрядов вдоль Рейна после 260 года империи пришлось столкнуться с войной по всем фронтам.

Очевидным образом, она была к этому плохо готова. Между 245 и 270 годами все границы были прорваны. В 251 году император Деций погиб вместе с войском в болотах Добруджи. В 260 году Шапур I взял в плен императора Валериана вместе с его войском и захватил Антиохию. Драккары варваров из устья Рейна и Крыма предвосхитили подвиги викингов. Они razорили побережья Британии и Галлии и разграбили беспомощные эгейские города. В 271 году император Аврелиан вынужден был окружить даже сам Рим мрачной крепостной стеной. Самому единству империи угрожали локальные «временные» империи: Постум управлял Галлией, Британией и Испанией с 260 по 268<sup>14</sup> год, Зенобия, царица Пальмиры, контролировала часть восточных провинций с 267 по 270<sup>15</sup> год.

Римский мир раскололся. Разные группы и разные провинции справлялись с ситуацией очень по-разному. Пограничные города и виллы внезапно оказались заброшенными; войска возвели на престол 25 императоров за 47 лет, и только один из них умер в своей постели. Вокруг Средиземного моря, однако, более жизнестойкий мир оставался верен себе и надеялся на лучшее. Монетный двор Александрии добросовестно запечатлевал лица императоров, которые появлялись и исчезали за тысячи миль к северу. В своих больших поместьях римские сенаторы по-прежнему покровительствовали греческой философии (см. с. 77) и позировали скульпторам в барочной манере Антонинов. В Риме, в Африке, в Восточном Средиземноморье христианские епископы наслаждались спокойствием и пользовались свободой передвижения, что зловеще контрастировало со стесненным существованием их языческих правителей (см. с. 73 и далее). Можно предположить, что в десятилетия кризиса многие из влиятельных граждан в городах Средиземноморья продолжали заниматься повседневными делами управления – как, например, граждане Оксириха в Верхнем Египте, – надеясь, что «божественная счастливая судьба» императора вскоре вернет все на свои места.

Твердое основание гражданской жизни устояло. Но у кризиса было одно непосредственное следствие: никогда больше римским миром не будет управлять узкий круг безоговорочных консерваторов, как было во времена Марка Аврелия.

Ибо Римская империя была спасена «военной революцией»<sup>16</sup>. Редко столь решительно общество принималось за чистки в высших классах. Сенаторская аристократия была отстранена от военного командования примерно в 260 году. Аристократы вынуждены были уступить дорогу профессиональным военным, выдвинувшимся из рядовых солдат. Эти профессионалы перестроили римскую армию. Громоздкий легион был разбит на маленькие подразделения, чтобы обеспечить маневренную оборону от варварских набегов на большую глубину<sup>17</sup>. Пограничные подразделения были усилены новой впечатляющей ударной силой, составленной из тяжелой кавалерии, – императорскими «сопровождающими», *comitatus*<sup>18</sup>. Эти изменения удвоили численность армии и более чем удвоили расходы на нее. Шестисоттысячная сила была самой большой единой группой войск, известной Древнему миру. Для обеспечения ее нужд император увеличил бюрократический аппарат. В 300 году граждане стали жаловаться, что

<sup>14</sup> Точнее – 269 год (здесь и далее биографические данные выверены по: Oxford Classical Dictionary: (<https://oxfordre.com/classics/>); Православная энциклопедия (<https://www.pravenc.ru/>); Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1: A. D. 260–395. London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1971; Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2: A. D. 395–527. London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1980; Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 3 A: A. D. 527–641 / 2 vols. London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney: Cambridge University Press, 1992) (прим. ред.).

<sup>15</sup> Точнее – 272 год (прим. ред.).

<sup>16</sup> Отсылка к концепции «военной революции», первоначально разработанной М. Робертсом применительно к раннему Новому времени: изменения в военном деле породили государство Нового времени, так как радикально изменились принципы управления из-за нужд армии (прим. пер.).

<sup>17</sup> Речь идет о появлении (с сохранением пограничных войск, ставших второстепенными) мобильных/экспедиционных войск, которые можно было легко перебросить на необходимый участок и которые боролись с врагами в случае прорыва границы (прим. пер.).

<sup>18</sup> Дословно – «свита» (лат.) (прим. ред.).

в результате реформы императора Диоклетиана (284–305) «стало больше тех, кто собирает налоги, чем тех, кто их платит»<sup>19</sup>. Как мы увидим в следующей главе, гнет растущих налогов неотвратимо влиял на структуру римского общества в IV и V веках.

«Военная революция» конца III века была воспринята с враждебным недоумением консервативным гражданским населением эпохи; и, как следствие, она заслужила немногим лучшее отношение у некоторых современных антиковедов. Однако эта «революция» являлась одним из передовых достижений римского государственного строительства. С помощью армии «нового образца» Галлиен нанес полное поражение варварам в Югославии и Северной Италии в 258 и 268 годах; Клавдий II замирил дунайскую границу в 269 году; Аврелиан совершил поход по восточным провинциям в 273 году; а Галерий сокрушил персидскую угрозу в 296 году.

Солдаты и офицеры тех дунайских провинций, которые казались столь неотесанными средиземноморским аристократам предыдущего столетия, явились героями имперского возрождения конца III – начала IV века. Как сказал один из них, «двадцать семь лет я проходил службу: никогда не был под военным судом за мародерство и буйство. Я прошел семь войн. Я никогда не прятался ни у кого за спиной, в бою мне не было равных. Командир никогда не видел, чтобы я колебался»<sup>20</sup>. Армия являлась артезианской скважиной талантов. К концу III века ее офицеры и администраторы оттеснили традиционную аристократию от управления империей. Великий реформатор своего времени, император Диоклетиан был сыном вольноотпущенника из Далмации; его «выдвиженец» Галерий (305–311) пас скот в Карпатах; его другой коллега, Констанций Хлор (305–306), был неизвестным мелким аристократом из окрестностей Ниша. Они были людьми, восхождение которых к власти было таким же ярким и заслуженным, как и восхождение наполеоновских маршалов. Они и их наследники выбирали себе чиновников из той же среды. Сыновья торговца свининой, или нотарию небольшого города, или гардеробщика в публичных банях становились префектами претория, от которых при Константине и Констанции II зависели благополучие и стабильность восточной части империи.

---

<sup>19</sup> Лактанций. О смертях гонителей. VII. 3 (прим. пер.).

<sup>20</sup> Страсти Юлия Ветерана. 2. 1–2 (прим. пер.).



Илл. 5. «Средневековый доллар»: золотой *solidus* Константина (307–337). Константин, в противоположность суровому Диоклетиану, намеренно изображался как герой мирного времени: классический профиль, взгляд направлен вверх. Монетный двор Никомедии. Британский музей, Лондон. © The Trustees of the British Museum.

В правление Константина, особенно в период между 324 и 337 годами, произошло окончательное утверждение новой «служилой аристократии» на вершине римского общества. Они были служащими на окладе, и им платили в новой золотой валюте – *solidus*. В IV веке эта золотая монета, этот «доллар Средних веков», пользовался огромной покупательной способностью современного доллара в обществе, все еще находившемся во власти головокружительной инфляции. Положение в войске и бюрократическом аппарате предоставляло императорским чиновникам широкие возможности для спекуляции продовольствием. Как писал современник: «Константин первым отдал провинции своим друзьям; Констанций II разорил их до нитки»<sup>21</sup>.

После обращения Константина в 312 году императоры и большая часть их придворных стали христианами. Легкость, с какой христианство установило контроль над высшими классами Римской империи в IV веке, являлась следствием переворота, поместившего императорский двор в центр общества «новых» людей, для которых было сравнительно нетрудно отбросить консервативные представления ради новой веры их господ.

<sup>21</sup> Ср.: Аммиан Марцеллин. Римская история. XVI. 8. 12 (прим. пер.).

Новые высшие классы сохранили нарек на свое военное происхождение. Все чиновники носили униформу; даже императоры перестали носить тогу, чтобы являться на статуях в походном обмундировании. Этим походным обмундированием являлась простая форма войск дунайской границы: маленький круглый шлем, плащ с фибулой варварской работы, тяжелый инкрустированный пояс. Латинский жаргон накрепко укоренился в их официальном языке: античный римлянин назвал бы новую золотую монету *aureus*<sup>22</sup>, но никто не называл ее иначе, чем *solidus* – «солидный кусок».

Таким образом, новый элемент, возникший вдали от традиционной имперской аристократии, занял место в правящем классе. Однако та текучесть, которая вывела подобных людей на вершину общества, не затрагивала всех подряд и не охватывала всего римского общества. На Востоке, к примеру, вихрь перемен бушевал только в Константинополе, и его потоки лишь постепенно захватывали традиционное высшее общество провинций. Греческий ритор Либаний (314–393) должен был выступать здесь в 341/342 году перед латиноговорящими солдатами, которые смотрели его выступления как «если бы я изображал пантомиму»<sup>23</sup>, потому что они не могли понять его классического греческого. Удалившись в отставку, он обретет более близкую по духу компанию в таком провинциальном городе, как Никомедия. Здесь он все еще сможет найти «благородных людей», «питомцев Муз».

---

<sup>22</sup> Золотой (лат.). (прим. ред.)

<sup>23</sup> Ср.: «Жизнь, или О собственной доле», 76 (прим. пер.).



Илл. 6. Ренессанс классики. Этот диптих из слоновой кости изготовлен в честь свадьбы дочери Симмаха (см. с. 126), римского сенатора-язычника конца IV века. Музей Виктории и Альберта, Лондон. © Victoria and Albert Museum, London.

Ибо за пределами шумного мира двора и армии неповоротливая машина римского мира сохранила свои освященные традицией основания. Крупные землевладельцы продолжали увеличивать поместья, а классическая система образования продолжала выпускать молодых людей, воспитанных в консервативном духе. «Новое» общество императорских чиновников и более традиционное и консервативное общество образованных классов опирались друг на друга, как две половины одной арки. Восприимчивость и творческий потенциал этих высших классов поражают. Например, в конце IV века богатые римляне, чьи деды учинили brutальные новшества арки Константина, покровительствовали изящной неоклассической резьбе по слоновой кости и знали латинскую литературу лучше, чем все их предшественники.

Античное классическое образование устанавливало связь между этими двумя мирами. Культура, если ее старательно усваивали, становилась *trompe l'œil*<sup>24</sup>, с которой мог слиться новый человек. Как писал один из провинциальных правителей: «Я произошел из бедной сельской семьи. Теперь, благодаря моему образованию, я стал вести жизнь приличного человека»<sup>25</sup>. Классическая культура IV века по большей части была «культурой успеха»: наиболее совершенным ее продуктом являлось тридцатистраничное «краткое изложение» – *Breviarium* – римской истории для новых правителей империи<sup>26</sup>.

Однако именно сознательное усилие ставшего более подвижным правящего класса по восстановлению укорененности в прошлом и нахождению твердого основания для солидарности послужило причиной создания наиболее тонких и очаровательных произведений позднеантичного мира. Новые сенаторы покровительствовали изготовлению предметов роскоши изящной работы, чтобы подчеркнуть свой статус и свое единство. Они отмечали династические браки серебряными шкатулками для новобрачных (такими, как знаменитая шкатулка из Эсквилинского клада в Британском музее); они объявляли об этом событии друзьям при помощи неоклассических пластин из слоновой кости (таких, как диптих Никомахов в Музее Виктории и Альберта<sup>27</sup>). С помощью таких же диптихов они отмечали свое вступление в должность консула, используя при этом сложную геральдику, которая подчеркивала скорее славу и древность титула, чем новые заслуги его владельца. Однако самыми элегантными артефактами, которыми традиционно обменивались эти люди, были, конечно, письма. Они были столь же изысканны и скучны, как визитные карточки мандаринов императорского Китая. Четвертый и пятый века являются эпохой больших собраний писем, большая часть которых не более чем изящные фишки, с помощью которых правящий класс римского мира вел счет абсолютно реальным убыткам и прибылям в постоянной борьбе за приоритет и влияние.

<sup>24</sup> Тромплей, оптическая иллюзия (прим. ред.).

<sup>25</sup> Marrou H. I., Lamb G. History of Education in the Ancient World // British Journal of Educational Studies. 1956. № 5. P. 84. Имеется в виду Секст Аврелий Виктор, историк IV века, в 361 году управлявший провинцией Нижняя Паннония. Цитируется место из сочинения «О цезарях». De Caes. XX. 5 (пер. В. С. Соколова). (прим. ред.)

<sup>26</sup> Могут иметься в виду или «Бревиарий от основания Города» (ок. 369/370 года) Флавия Евтропия, или «Бревиарий деяний Римского народа» (ок. 369/370) Феста (прим. пер.).

<sup>27</sup> На диптихе надписи: Nicomachorum и Symmachorum (на одной и на другой пластине), отсюда название. В Музее Виктории и Альберта хранится пластина Симмахов, а не Никомахов, которая находится в Париже, в Музее Клюни (прим. пер.).



Илл. 7. Свадьба аристократа IV века. Жених и невеста, может быть, и были христианами, но само (великолепное) мероприятие было откровенно языческим. Фрагмент крышки свадебной шкатулки «Секунда и Проекты». Британский музей, Лондон. © The Trustees of the British Museum.

Новые правящие классы нуждались в ученых, а те, в свою очередь, становились чиновниками и, временами, господствовали при дворе. Авсоний (ок. 310 – ок. 395), поэт из Бордо, стал *éminence grise*<sup>28</sup> Западной империи. Для Августина, молодого человека из бедной семьи в африканском Тагасте (Сук-Ахрас), оказалось возможным стать преподавателем риторики в Милане в тридцатилетнем возрасте (в 384 году) и обдумывать должность провинциального правителя и союз с местной знатью в качестве следующей ступени карьеры. В греческих частях империи сплав традиционного ученого и нового бюрократа сыграл решающую роль. Основу бюрократической машины, впитывавшей таланты, как губка, составляли именно люди, причастные этой единообразной и консервативной культуре. Постоянный наплыв провинциалов в Константинополь, которых требовалось тщательно воспитывать при помощи классической греческой литературы, придавал византийскому правящему классу сходство с обманчиво-спокойной гладью мельничного канала. Из их среды выходили профессиональные чиновники и правители провинций. Именно они будут писать историю Византии в последующее тысячелетие. Их культура была настолько единообразной, что ее последний представитель при османских султанах в конце XV века писал историю своего времени все еще в манере Фукидида.

Следует остановиться на двух чертах этого нового правящего класса. Во-первых, наряду с неприкрытым карьеризмом существовало искреннее стремление создать элиту. Классическая культура поздней Античности была подобна высокой пирамиде: она тянулась к «аристократизации», к созданию людей, «благодаря укоренившейся дисциплине поднявшихся над мас-

<sup>28</sup> Серый кардинал (фр.) (прим. ред.).



сой обывателей»<sup>29</sup>. Прилежно усваивая классические литературные стандарты и следуя в поведении образцам античных героев, эти люди искали стабильности и определенности, которую они не могли найти в бессознательном следовании традиционному образу жизни. Они были людьми, которые болезненно сознавали, что многие из их роз привиты на совершенно некультурный корень. Только строгое стремление к совершенству древних могло спасти тех, кто отстранился и от санкций традиции, и от самих себя. Юлиан Отступник (361–363) искренне верил, что его брат Галл «одичал», в то время как он сам был «спасен» богами, которые обеспечили ему университетское образование<sup>30</sup>. Неудивительно, таким образом, что язычники и христиане на протяжении IV века так яростно спорили: литература или христианство является истинной пайдейей, истинным образованием? Ведь обе стороны чаяли спасения в образовании. Человек, который обработал и отполировал себя как статую с помощью приверженности классике, являлся высшим идеалом. Его изображают на саркофаге спокойно глядящим в открытую книгу – «мужем муз», святым классической культуры. Вскоре он станет святым: христианский епископ с открытой Библией, вдохновенный евангелист, склонившийся над листом пергамента, являются прямыми потомками позднеантичного портрета ученого мужа.



Илл. 8. Человек культуры – в своем учительском кресле (прототип епископской *cathedra*), рядом со шкафом, который заполнен древними свитками с классическими текстами. Римский рельеф. – Саркофаг с греческим врачом. Метрополитен-музей, Нью-Йорк.

<sup>29</sup> Marrou H. I., Lamb G. History of Education in the Ancient World. P. 83 (прим. ред.).

<sup>30</sup> Юлиан Отступник учился у риторов в Константинополе, у ритора Либания – в Никомедии (прим. ред.).



Илл. 9. От человека культуры к евангелисту. Апостол Матфей из имперского Евангелия, Ахен, до 800 года н. э. Музей истории искусств, Вена.

Во-вторых, как бы пирамида ни вытягивалась вверх, она всегда оставалась открытой у основания. На протяжении IV века в профессии преподавателя наблюдалась наиболее сильная текучесть. Так идея классической культуры все время подпитывалась энтузиазмом неофитов. Революционное «обращение» Константина в христианство было не единственным обращением в эту эпоху перемен: были гораздо более тихие, но не менее фанатичные обращения в традиционную культуру и старую религию. Император Диоклетиан поддерживал римский традиционализм с истинно религиозным рвением, как и поразительный *nouveau riche* греческой культуры Юлиан Отступник. В Поздней империи, безусловно, чувствуется внезапное высвобождение талантов и творческого начала, которое часто следует за потрясением *ancient régime*. Нарастаю-

щий поток способных людей, не обремененных аристократическими предрассудками и жаждущих учиться, поддерживал атмосферу оживления и беспокойства, отличавшую интеллектуальный климат поздней Античности от всех других периодов древней истории. Из отцов Церкви, например, только один – Амвросий (ок. 339–397) – происходит из сенаторской семьи. Все те люди, которые были способны наложить отпечаток на высшее общество империи, начали путь из неизвестных городов – Плотин (205–269/270) из Верхнего Египта, Августин (354–430) из Тагаста, Иероним (ок. 342–419<sup>31</sup>) из Стридона, который он был рад покинуть, и Иоанн Златоуст (ок. 347<sup>32</sup>–407) из антиохийской канцелярии. Где закончится эта текучесть? Смогут ли институты менее консервативные, чем бюрократия и система образования империи, воспользоваться ею более результативно? И каким будоражающим идеям, которые долго зрели в средиземноморских городах, открывает путь это брожение? Сейчас, однако, давайте поразмышляем, как «восстановленное» общество Римской империи, в котором смешались новые и старые элементы, воспользовалось столетием относительного покоя.

### 3. Восстановленный мир: римское общество в IV веке

Заново сформированный правящий класс, распространившийся к 350 году уже по всей империи, мыслит себя живущим в мире, в котором восстановился порядок: *reparatio saeculi*<sup>33</sup>. «Эпоха реставрации» – вот их любимый девиз на монетах и в надписях. IV век – эпоха наибольшего процветания за всю историю римского владычества в Британии. Как только императоры замирили Рейнскую область, новая аристократия в Галлии стала расти как грибы после дождя: люди вроде Авсония, который мог помнить, как его дедушка умер в эмиграции из-за варварского вторжения в 270 году, получили земельные владения, которые будут сохраняться еще на протяжении двух веков. В Африке и Сицилии ряд великолепных мозаик показывает *dolce vita* крупных землевладельцев, которая продолжалась почти без перерыва с III по V век.

Это возрождение в IV веке следует отметить особо. Стремительные религиозные и культурные изменения поздней Античности не происходили в мире, жившем в тени катастрофы. Совсем наоборот: их нужно рассматривать на фоне богатого и удивительно жизнеспособного общества, которое достигло баланса и приобрело структуру, значительно отличающуюся от той, что существовала в классический период в Риме.

Наиболее очевидной чертой этого общества и для современников, и для историков являлась расширяющаяся пропасть между богатыми и бедными. В Западной империи культура и общество находились под властью сенаторской аристократии, которая в среднем была в пять раз богаче, чем сенаторы I века. В могиле такого сенатора рабочие нашли «грудю золотой пряжи» – все, что осталось от типичного римского миллионера IV века<sup>34</sup> Петрония Проба, – «поместья он имел почти во всех провинциях. Честно ли он их получил или нет, – пишет о нем современник, – решать об этом не мое дело»<sup>35</sup>.

Что верно для аристократии, то верно и для городской жизни Поздней империи. Значение небольших городов уменьшилось – в Остии, например, шикарные дома аристократии IV века были выстроены из камня кварталов брошенных многоквартирных домов ремесленников

<sup>31</sup> Точнее – ок. 347–420 годов (прим. ред.).

<sup>32</sup> Точнее – ок. 354 года (прим. ред.).

<sup>33</sup> Дословно – «восстановление мира» (лат.) (прим. ред.).

<sup>34</sup> Аллюзия на сказку братьев Гримм «Румпельштильцхен». См.: Маркина Л. Г. Rumpelstilzchen / Румпельштильцхен // Культура Германии: лингвострановедческий словарь / Под общ. ред. Н. В. Муравлевой. М.: АСТ, 2006. С. 839–840 (прим. ред.).

<sup>35</sup> Ср.: «Поместья он имел почти во всех провинциях. Заслуживал ли он или нет этой известности, решать об этом дело не моего слабого суждения» (пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни) (Аммиан Марцеллин. Римская история. XXVII. 11) (прим. ред.).

II века. Но крупные города империи сохраняли роскошный образ жизни и многочисленное население. Это показывает быстрый рост Константинополя: основанный в 324 году, к V веку он насчитывал 4388 частных домов. В целом кажется, что достаток средиземноморского мира целиком сосредоточился в руках верхушки общества: доход римского сенатора мог достигать 120 000 золотых, а придворного в Константинополе – 1000; но доход купца – только 200, а крестьянина – 5 золотых в год.

Единственной причиной этих изменений было налогообложение. На памяти одного поколения к 350 году земельный налог увеличился в три раза. Он достигал более трети валового дохода сельских хозяев. Он был негибким и совершенно неравномерным. Ничто так не являло победу двух невидимых врагов Римской империи – времени и расстояния. Сумма налога рассчитывалась добросовестно; но в таком огромном обществе невозможно было учитывать все и производить расчет с необходимой частотой. По этой причине единственным способом облегчить налоговое бремя был уход от налогов. Расплачиваться оставалось тем, кто был менее удачлив. Императоры осознавали это: время от времени они будут облегчать бремя налогов при помощи эффектных жестов – привилегий, освобождения от уплаты, списывания невозмещаемых долгов. Все эти жесты работали как выброс пара через предохранительный клапан – эффективно, но совершенно не помогает перераспределить нагрузку. Поэтому в западных провинциях средства, которые император мог использовать, потихоньку перешли в руки крупных землевладельцев, в то время как имущество маленького человека истощалось из-за постоянных требований сборщика налогов. Недаром в христианском гимне «*Dies irae*» наступление Страшного суда мыслилось в образах приезда позднеримского налогового чиновника.

Общество, которое испытывает давление, – это необязательно косное или упадочное общество. Как мы видели, общество IV века было необычайно открытым для движения снизу вверх потока людей, профессиональных навыков и идей, которые более стабильный мир 200 года отверг бы как «вульгарные», «варварские» или «провинциальные».

Новые аристократические фамилии чаще всего имели тесные локальные связи. К началу IV века большинство «сенаторов» никогда не видели Рима. Вместо этого они были лидерами местных сообществ. Официальная карьера не отрывала их от корней. Их назначали управлять провинциями, в которых они и так были влиятельными землевладельцами. Они посещали те же города и останавливались в тех же селах, что и в то время, когда они были частными лицами. Эта система, возможно, сужала горизонты (хотя социальная история империи уже давно готовила для этого почву), но она гарантировала, что влияние правящих классов будет распространяться до самой глубины провинциального сообщества. Налоги платились, и рекруты поступали в войска, потому что крупные землевладельцы гарантировали: их крестьяне будут делать, что им говорят. Именно они представляли интересы среднего человека в судах низшей инстанции. Местные «большие» люди, не таясь, сидели рядом с судьей, решая дела сообщества; только они теперь стояли между низшими классами и террором сборщиков налогов. Известные прошения крестьян, адресованные непосредственно императорскому двору, обычные для II и III веков, исчезли: в Поздней империи все попытки обеспечить защиту и удовлетворить жалобу должны были предприниматься через «большого» человека – *patronus* – «босса» (как во французском: *le patron*), с опорой на его влияние при дворе. Средневековая идея «святого-покровителя», который заступится за своих почитателей на далеком и внушающие трепет Страшном суде, является проекцией «наверх» этого существенного факта позднеримской жизни.

Эти вертикальные связи еще не означают деспотизма. В любом случае мало кто из римлян думал, что их общество может функционировать иначе: только тепло личного внимания и преданность по отношению к конкретным людям могли наводить мосты через огромные пространства империи. «Большой» человек оказался средоточием усиливающихся отношений преданности. Например, в Риме местные жители вернули себе влияние, которое они утратили

со времен республики: именно они, а не император теперь обеспечивали город средствами к существованию. В Поздней империи на изображениях аристократа – устраивающего игры, появляющегося на публике в качестве правителя и даже отдыхающего в своем имении – помещалась густая толпа почитателей.

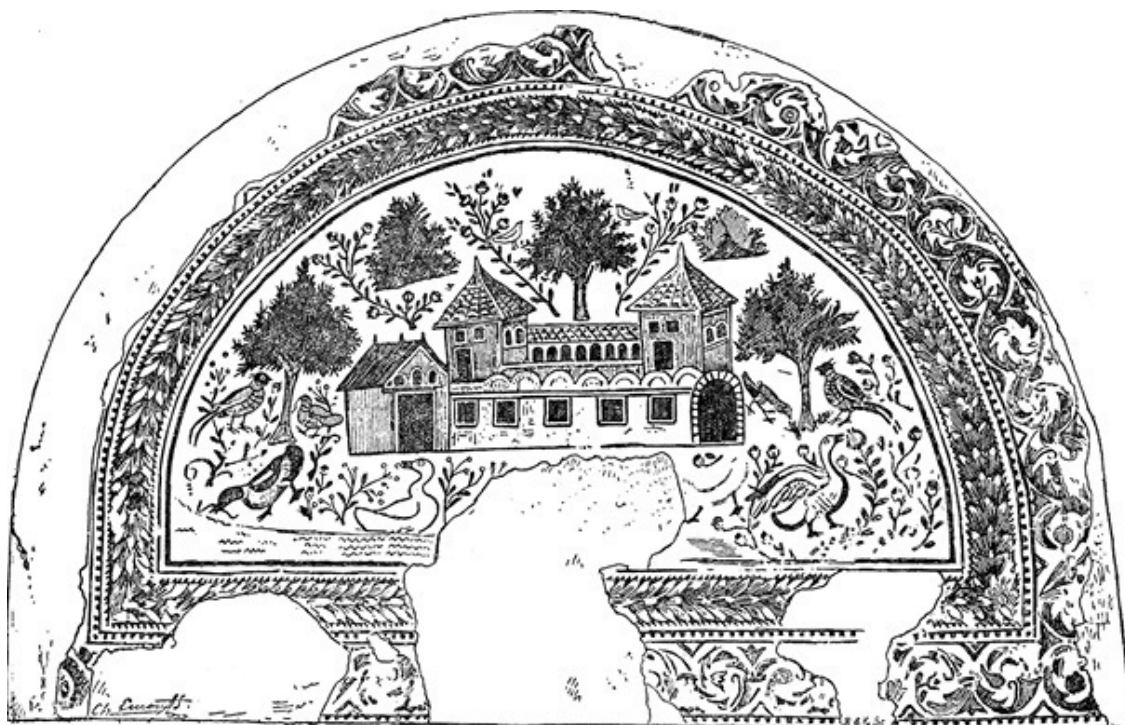


Илл. 10. Константин щедро раздает дары. Распределение средств императором и его чиновниками в IV веке почти полностью заменило строительство общественных зданий частными лицами (ср. илл. 1). Фрагмент арки Константина в Риме.



Илл. 11. Зрители на бегах в цирке. Такие многолюдные мероприятия, хотя они и осуждались христианскими епископами, показывают, что городская жизнь Средиземноморья сохранялась (и тому были свидетели) вплоть до VI века. Мозаика из Гафсы, Тунис, V век н. э. Илл. из кн.: La Blanchère R., Gauckler P. Description de l'Afrique du Nord. Catalogue des musées et

*collections archéologiques de l'Algérie et de la Tunisie. 7,1, Catalogue du musée Alaoui. Paris: Ernest Leroux, 1897.*



Илл. 12. Загородная вилла в Африке. В отличие от расплзавшихся во все стороны одноэтажных villae классического прошлого, эта вилла с закрытым нижним этажом и башнями могла функционировать как замок во времена вторжений. Все чаще и чаще от крупных землевладельцев требовалось предоставлять такую защиту своим арендаторам. Мозаика из Табарки, Тунис, IV век н. э. Илл. из кн.: La Blanchère R., Gauckler P. *Description de l'Afrique du Nord. Catalogue des musées et collections archéologiques de l'Algérie et de la Tunisie. 7,1, Catalogue du musée Alaoui. Paris: Ernest Leroux, 1897.*

Вектор влияния в позднеримском обществе не всегда был направлен сверху вниз. Новые элиты были исключительно открытыми. Например, блестящее новое искусство этой эпохи являлось результатом работы ремесленников и их покровителей, чувствовавших себя извлеченными от рамок, в которых находились предыдущие поколения. Поточное изготовление произведений типового античного искусства – саркофагов, шаблонных мозаик, керамики – установилось в III веке. Теперь люди опирались на то, что было под рукой. Местные мастера не боялись привносить в дома сильных мира сего новые и вольные традиции, которые уже появились в их провинциях. Живость и выразительность мозаик и статуй IV века показывают, сколь благотворными для позднеримской культуры были разрыв с устоявшейся традицией и последующее укоренение в местной культурной почве.

В целом общество IV века изменялось в двух направлениях. На вершине социальной пирамиды богатства концентрировались, а подъем на нее становился все более крутым. Именно этим объясняется наиболее очевидное и явное различие между позднеримским обществом и обществом классической Античности – разное качество жизни в городах. Наше впечатление об удивительно кипучей городской жизни во II веке указывает на определенный – и переходный – этап развития римских высших классов. В эти времена группа богатых людей примерно равного положения, хорошо известных друг другу, была охвачена борьбой за влияние, в которой расточались деньги на здания, статуи и подобные дорогие и грандиозные *bric-*



*à-brac*<sup>36</sup>. К IV веку битва за влияние состоялась и была выиграна: отличие человеку давали должности и титулы, полученные от императора, а не объекты инфраструктуры, построенные в родном городе; поэтому вложения в строительство стали уменьшаться. Чтобы понять общественную жизнь IV века, мы должны покинуть форум и общественные места и уйти в пригороды и соседние села. Здесь мы окажемся в мире роскошных, как восточные ковры, мозаичных панелей, с помощью которых представители правящих кругов позднеримских городов демонстрировали свое ничем не омрачаемое благополучие. Типичными памятниками эпохи являются дворцы и деревенские виллы. Дворцы в Остии, например, представляют собой самостоятельные миры: аркады, завешенные тканью, стены, покрытые разноцветным мрамором, радужные мозаики на полу создавали атмосферу камерного великолепия. Чтобы обеспечить роскошь личной ванной комнаты, использовались самые передовые сантехнические достижения. В целом это был более личный мир, в меньшей степени жаждущий публичности. В таких дворцах чувствуется, что взращивание дружбы, кабинетной учености, развитие таланта и религиозной оригинальности на женской половине ценились больше, чем публичные жесты «потлача» предыдущего столетия.

В то же время усиление локального измерения жизни означало, что некоторые черты римского образа жизни распространялись гораздо дальше, чем прежде. От Бордо до Антиохии местные аристократы равно участвовали в управлении империей: мозаики в Рочестере и Дорсете являют тот же стиль жизни, что и у сельской знати Антиохии и Палестины. На более низкой ступени социальной лестницы менее знатные провинциалы в конце концов осознали себя «римлянами». Развитие «романских» языков и, следовательно, упадок кельтских в Галлии и Испании не связано с античной Римской империей – причиной его стало непрерывное влияние латиноговорящих землевладельцев, сборщиков налогов и епископов IV и V веков.

Многие провинции впервые полноценно включились в Римскую империю после III века. Дунайские провинции, обеспечившие «Эпоху реставрации» солдатами и императорами, с энтузиазмом влились в русло римской жизни: из них происходили фанатичные римские традиционалисты, ловкие администраторы, упрямые и смелые епископы-еретики.

Даже варварский мир был затронут этими событиями. Ибо экономический и культурный *glacis*<sup>37</sup> между средиземноморским миром и военными границами империи более не существовал. Стоящие вдоль Рейна и Дуная богатые виллы и полиэтнические императорские резиденции оказались соблазнительно близки к развивающимся странам Центральной Европы. В некоторых местах границы Римской империи укрепились за счет нивелировки этого *glacis*. Средний римлянин чувствовал сильнее, чем прежде, что он – в одиночку и вместе с остальными – один на один с грозным внешним миром; каждый человек в империи мог считать себя *romanus*<sup>38</sup>, а сама империя теперь называлась *Romania*. В среднем течении Рейна, однако, продвижение провинциальной цивилизации к границе благоприятствовало опасному симбиозу римского и варварского: алеманны, которые создавали угрозу Галлии со стороны Шварцвальда, в некоторых отношениях уже были полуримским обществом; их вожди жили в виллах, построенных в римском вкусе, и носили такие же тяжелые пояса и ажурные фибулы, как у римских офицеров, которые стерегли от них границу в Кельне, Майнце и Страсбурге.

Римская культура IV века опиралась на более широкие ряды приверженцев, чем прежде. На Востоке провинции, которые оставались безмолвными начиная с эпохи эллинизма, внезапно стали рассадниками талантов. В Каппадокии, отсталость которой была притчей во языцех, появлялись один за другим одаренные епископы – наиболее известны «отцы-каппадокийцы»: Василий Кесарийский (ок. 330–379), Григорий Нисский (ок. 331–396) и Григорий

<sup>36</sup> Безделушки (фр.). (прим. пер.)

<sup>37</sup> Тонкий слой (фр.). (прим. ред.).

<sup>38</sup> Римлянин (лат.). (прим. ред.).

Назианзин (329–389) – и прилежные молодые люди из этой провинции наполнили аудитории Антиохии, стремясь к классической культуре. Египет, который был умышленно отгеснен на задворки Римской империи, быстро восстановился: в одно и то же время крестьяне Верхнего Египта создали совершенно новую монашескую культуру, а его города дали миру череду одаренных греческих поэтов.



Илл. 13. Прибытие императора на коне, в сопровождении танцующей Виктории и под защитой монограммы Христа. Это стилизованное серебряное блюдо – императорский дар, на котором изображен Констанций II, – доносит мысль, что император всегда рядом со своими подданными. – Чаша: триумф Констанция II (Керченский миссорий). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Наиболее значительной чертой этого расширения римского владычества является, конечно же, то, что сама Римская империя стала значить нечто иное для новых *romani*. Прежние точки опоры патриотизма давно стали слишком абстрактными или слишком далекими. За пределами ограниченного круга ностальгия о Сенате значила мало; за пределами латинского мира не существовало культа города Рима. Такие латинские императоры, как Диоклетиан и его коллеги, показали, что можно быть фанатичным *romanus* и при этом посетить Рим всего раз в



жизни. Для греческого Востока было очевидно, что империя – это император. *L'état c'est moi*<sup>39</sup> – эта идея стоит за довольно спонтанным возвышением фигуры императора в эпоху поздней Античности. Жители восточных провинций были завязаны «римлянами». Они называли себя *Rhomaioi* на протяжении еще тысячи лет, и на средневековом Ближнем Востоке Византийскую империю всегда называли *Rūm*, «Рим», а христиан – «римляне», *Rūmi*. Но жители провинций ощущали свою причастность Риму не через холодный протокол сенатских или гражданских учреждений, а напрямую – преклоняя колени перед статуями и образами самого императора, чья царственная поза и проницательный взгляд демонстрировали им единственного человека, чья «непрестанная и всесторонняя забота» охватывает всех жителей *Romania*.



<sup>39</sup> «Государство – это я» (фр.) (прим. ред.).

*Илл. 14. В позднеримский период в претории образы императора висят рядом с возвышением, на котором располагается кресло правителя, и толпа приветствует их, когда выкрикивает прошения. Суд над Христом из Россанского кодекса, VI век.*

Это различие в модусе причастности к империи свидетельствует о принципиальной разнице между западной и восточной ее частями. На Востоке было больше людей, преданных империи, и из их числа – больше состоятельных, чем на Западе. По этой причине горячая приверженность императору пустила более глубокие корни в Восточной империи и приняла эту откровенно более популярную форму.

Еще со времен завоеваний Римской республики значительные территории на Западе оставались по большей части аграрными и в крайней степени отсталыми регионами. На такой экономике, основанной на натуральном хозяйстве, не могли не сказаться 100 лет небывалого налогового гнета. К концу V века богатства Запада оказались в руках нескольких значительных семейств: в каждой провинции между средним человеком и императорским управлением находилась олигархия сенаторов. На Востоке большее значение торговли и рост маленьких, но жизнеспособных городов, удаленных от средиземноморского побережья, обеспечивали более уравновешенный и даже эгалитарный характер общества. Местные землевладельцы в греческом городе могли быть очень богаты и консервативны, но, если вся Галлия и Италия находились в руках полудюжины крупных кланов, то в одной Антиохии за влияние боролись по крайней мере десять кланов. Сфера доходов греческого городского магната ограничивалась окрестностями, а сам город оставался точкой приложения его сил. Греческая идея *euergeia*<sup>40</sup>, соперничества крупных семейств в оказании благодеяний своему сообществу, была удивительно устойчива. В середине V века епископ, обвиненный в ереси, будет инстинктивно защищаться в рамках этой традиции: что имеет против него местная знать? Не украсил ли он их город, построив акведук и портики?<sup>41</sup> Столь прочному равновесию в среде мелкой знати никогда не угрожали чрезмерно могущественные землевладельцы, она обеспечивала неиссякаемый запас хорошо образованных и добросовестных служащих для гражданской администрации в Константинополе, и в продолжение всей позднеримской эпохи эта знать украшала свои города статуями, надписями и церквями, богатство которых только начали открывать археологи в Турции.

Более того, крестьяне Малой Азии, Сирии и Египта сильно отличались от подневольных и бесправных сервов западных провинций. Они могли продать свое зерно в городах по достаточно хорошей цене, так чтобы денег хватило и на аренду, и на налоги. Они могли, таким образом, выполнять требования правительства, не переходя в поместья крупных землевладельцев. В середине V века различие в атмосфере, царившей в каждой из частей империи, во многом определялось различием в роли маленького человека. В то время как Галлия была охвачена страхом по причине крестьянских волнений, вызванных налогами и непомерной арендной платой, земледельцы Северной Сирии могли строить основательные каменные дома в селениях, которые теперь служат пристанищем нескольким кочевникам; жители Палестины поддерживали систему каналов, которая превратила Галилейское озеро и Негев в сад, покрытый яркими мозаичными дорожками; крестьяне Египта находили выражение для своей непреклонной самостоятельности и оригинальности в монастырских комплексах Фиваиды. Разделение путей Западной Европы и Восточного Средиземноморья, которое является важнейшей частью наследия поздней Античности, восходит к таким вот простым и непосредственным различиям.

Два города IV–V веков недавно были заново открыты в ходе раскопок – Остия (недалеко от Рима) и Эфес (в Турции). Оба они поразили исследователей устойчивостью Древнего

<sup>40</sup> Имеется в виду *eὐεργεσία* – благодеяние (прим. пер.).

<sup>41</sup> Речь идет о Федорите Кирском (ок. 393 – ок. 466). См.: Феодорит Кирский. Письма. 81 (прим. пер.).

мира в архитектуре и в свидетельствах о городской жизни. Возможно, мозаики Остии указали направление средневековому искусству; но они не менее крепко связаны с красочными традициями Помпей и Геркуланума I века. Как и в случае с многими другими явлениями жизни Поздней Римской империи, только искаженная перспектива представляет их совершенно чуждыми античному миру. Исследователи-античники так сильно сосредоточились на первом веке существования Римской империи, что они оказались склонны игнорировать долгую и постепенную трансформацию классического искусства и классических форм публичной жизни, происходившей на протяжении двух веков между Траяном и Константином.

Есть две особенности, которые не могли появиться в более ранние эпохи. В обоих городах есть ряд скульптур, чьи неподвижные черты и взгляд, направленный вверх, выдают небывалый прежде интерес к внутренней жизни и сверхъестественному. В обоих городах есть крупные христианские базилики. Эти особенности напоминают, что, как бы хорошо люди «Эпохи Реставрации» IV века ни приспособились к новой социально-политической ситуации, сейсмические сдвиги в религии и культуре отделяли их от классического мира 200 года. Чтобы понять, в чем заключались эти сдвиги, мы должны вернуться во времени к эпохе Марка Аврелия; мы должны охватить разные сферы опыта; мы должны рассмотреть даже различные пласты римского общества, дабы проследить религиозные изменения II, III и IV веков среди интеллектуалов и религиозных лидеров и в надеждах и тревогах, которые испытывал простой житель крупных средиземноморских городов.



*Илл. 15. Новая творческая манера выражения. Местные мастера и их покровители считали себя вправе отойти от традиционных предпочтений публики. Они избрали энергичный, абстрактный подход к изображению человека (как на мозаике IV века из гробницы в Табарке на севере Африки), и привнесли элемент сказочности в классические мифологические мотивы. Roman mosaic called «of the tomb of Victoria», Christian, at the Bardo Museum in Tunis. IV century A. D. Фото: Giorces / Wikimedia Commons. CC BY 2.5.*

## II. Религия

### 4. Новое настроение: направления религиозной мысли, ок. 170–300 годов

Историк рискует забыть, что объекты его исследования долгое время спали и что в это время они видели сны. Однако один греческий ритор, Элий Аристид (118–180<sup>42</sup>), оставил нам подробный отчет о своих снах. Он записал их под названием «Священные речи», потому что в этих снах ему преимущественно являлся Асклепий. Это были сны благочестивого ужаса и восторга. Аристид был убежден, что он был избранником Божиим и что его жизнь наяву была «божественной драмой», на каждом этапе направляемой заботливой любовью Асклепия.

Случай Аристида напоминает, если только это нужно, что в Римской империи на пике ее благоденствия таким эксцентричным натурам жилось привольно. Мы имеем дело с обществом, в котором образованные люди, чтобы справиться с трудностями жизни, по большей части обращались не к философии, и еще менее к науке, но к тем средствам, которые им предоставляла традиционная религия.

Но не менее важно отметить, что напряженная жизнь Аристида во сне не особенно влияла на его стремление прожить жизнь консервативного образованного человека. Асклепий только помогал ему преодолеть «кризисы», которые могли угрожать его успешной карьере. Мы знаем Аристида как автора панегирика Римской империи и непримиримого врага христиан – «людей в Палестине, которые явили свое нечестие, не выказав никакого уважения к начальствующим, как вы и могли ожидать от них»<sup>43</sup>.

Аристид ощущал себя еще глубоко включенным в традиционную языческую жизнь. Однако уже в следующем веке должна была произойти перемена. Насыщенная религиозная жизнь Средиземноморья, которая показала способность сколько угодно заимствовать экзотическое и эксцентричное, внезапно сменила привычное русло, в котором люди вроде Аристида чувствовали себя так уютно. Многие стремились переосмыслить религию своих предков, а некоторые «порвали с прошлым», став христианами. В период между 170 годом и обращением императора Константина в христианство в 312 году в сфере религии наблюдается широкая и беспокойная деятельность. Мы располагаем первыми литературными поединками между христианами и образованными язычниками: язычник Цельс написал «Правдивое слово» около 168 года, а Ориген наконец ответил ему в 248 году. Гностические учителя в «образовательных кружках» пытались постичь глубины «истинного учения», *gnosis*, содержащегося в христианстве. (Писания гностиков в коптском переводе, составленные около 170 года, были обнаружены в Наг-Хаммади, Египет.) Язычники выражали свои волнения в небольших наставительных трактатах, таких как откровения египетского Гермеса Трисмегиста – Гермеса «трижды величайшего».

Наивно было бы рассматривать изменения, прослеживающиеся в этих текстах, только как упадок классического просвещения и рост суеверий. Отправная точка в эпоху Антонинов – это не столько «просвещение», сколько рассредоточенное и хорошо контролируемое суеверие, с помощью которого многие представители стабильного и успешного правящего класса убеждали себя, что живут в самом лучшем из возможных миров. Этот подход выражен в легенде, частой на монетах II и III веков: *Providentia deorum* – «Боги заботятся о нас». «Боги всегда здесь, чтобы показать свою силу, – писал Марк Аврелий. – Они помогают нам чудесным образом.

---

<sup>42</sup> Точнее – 117 – ок. 181 года (прим. ред.).

<sup>43</sup> Элий Аристид. Речи. XLVI. 671 (прим. пер.).

Они посылают нам сны; открывают нам тайны; они обеспечивают нас целебными средствами от нездоровья и оракулами от сомнений»<sup>44</sup>.

Образованные язычники чувствовали себя в своей вселенной вполне уютно. Согласно философам, вселенная управлялась единым высшим Богом, который был скорее невыразимым и поэтому «над» всем. Этот единый Бог, однако, был в полной мере представлен на земле в культах множества богов традиционных верований. Они рассматривались как Его «служебные духи»: они были местными правителями его обширной империи. Средний человек был в целом доволен этими дружественными фигурами, а им все еще было к лицу платье олимпийских богов классической эпохи. Ни в какой другой период истории Древнего мира человек не был так убежден, что знает точно, как выглядят боги: во II веке они были повсюду в наиболее традиционной и стереотипной форме – в массово производившихся статуях, на монетах и керамике.

Считалось, что эти боги заботятся о человечестве в целом и о городах и отдельных людях в частности. Случай Аристиды показывает, насколько серьезно люди ожидали прямой и личной заботы. Во всем римском мире города и индивидуумы предоставляли древним богам все возможности печься о своих почитателях: во II веке наблюдалось значительное оживление традиционных оракулов греческого мира.

Эта забота достигалась в ответ на исполнение обрядов, которые считались такими же древними, как само человечество. Отказаться от этих обрядов означало вызвать у остальных настоящую ненависть и волнение. Христиан жестоко преследовали за пренебрежение этими обрядами, каждый раз, когда, являя гнев богов, случались землетрясения, голод или вторжение варваров.

В целом подобная система верований позволяла человеку чувствовать себя включенным в прочно сплетенную структуру мира, пронизанного заботой древних богов. Он мог быть уверен, что все, что всегда делали его родители и сверстники в их родных городах, без затруднений вписывалось во всеобъемлющее целое совершенной вселенной. Традиционное верование в деятельность богов во вселенной представляло собой своего рода оболочку, удивительно плотную и целостную. Мысли и переживания, свойственные «новому настроению» после 170 года, вызвали образование трещин в этой оболочке. Именно рассматривая новые чаяния людей чувствительных, мы можем понять природу духовной революции, благодаря которой поздняя Античность оказалась столь своеобразным и плодотворным периодом истории Древнего Средиземноморья.

Прежде всего, усиливалось ощущение, что человек содержит в себе нечто бесконечно ценное, но в то же время совершенно не связанное с внешним миром. После того как целые поколения были, по-видимому, довольны своей общественной деятельностью, произошел как будто разрыв налаженной связи между внутренним опытом людей и внешним миром. Традиционная среда перестала быть комфортной. Вопросы, продиктованные традицией, казались пустыми, чтобы не сказать гнетущими. Уже Марк Аврелий смотрит на мир как бы с другого конца телескопа. Дунайские кампании в 172–175 и 178–180 годах, в которых он спас империю, казались ему «дракой ценят за брошенную им кость»<sup>45</sup>. Мы видим удивление философа Плотина: «Когда я обращаюсь к себе, я удивляюсь, что у меня есть тело... Из-за какого падения это получилось?»<sup>46</sup> Гностики «пробуждаются», чтобы узнать, что «жизнь – это кошмар, в котором мы стремимся никто не знает куда или остаемся неподвижны, преследуя неизвестно

---

<sup>44</sup> Ср.: Марк Аврелий. Размышления. IX. 27 (прим. пер.).

<sup>45</sup> Ср.: Марк Аврелий. Размышления. VII. 3. (прим. пер.).

<sup>46</sup> Ср.: Плотин. Эннеады. IV. 8. 1. (прим. пер.).

что»<sup>47</sup>. Крещеный христианин как «сын Божий» противопоставляет себя миру под властью князя тьмы.

Внезапно обнаружившийся в самом человеке потенциал совершенствования или вдохновения был тесно связан с потребностью в Боге, с которым каждый мог быть наедине, Боге, «опека» которого была личной и концентрированной, а не состояла в благой, но принципиально безличной помощи вселенной в широком смысле этого слова. Люди, которые все еще полагали, что в благословении нуждается именно их обыденная деятельность, были нечувствительны к этому новому настроению. Аристид чувствовал себя полностью зависимым от Асклепия, но, что вполне ожидаемо, он традиционно признавал Зевса главой всецело греческого пантеона. Новое настроение обращалось непосредственно к центру, отвращаясь от подчиненных богов общераспространенной веры, к самому единому Богу – воплощению скрытой и невыразимой силы. Для гностиков, например, Бог был раньше полностью сокрытым, никогда прежде не был известен; он совершил «прорыв», чтобы явиться в конце концов верующему сквозь исполинскую систему диавольского мира. Христианин обнаружил, что он оказался лицом к лицу с кардинальной простотой единого «Бога вселенной». И даже для мыслящего язычника Олимпийцы несколько поблекли. Классическая маска больше не могла скрыть грозное и непостижимое лицо вселенной.

Было бы наивно описывать эти изменения как рост «неотмирности». Наоборот, верование, что человек может напрямую взаимодействовать с тем, что больше его самого, было немалым подспорьем во времена революционных изменений. И оно ни в коей мере не вступало в противоречие с умением принимать политические решения. Прежде традиционное язычество выражало себя в формах безличных, как сама вселенная: оно внушало чувства по отношению к священным *вещам* – древним обрядам, статуям, оракулам и пространным любимым храмам. В противоположность этому «новое настроение» породило людей – чувствительных индивидуумов, которые верили, что действуют по воле громадных сил. Каждый из тех, кто оставил реальный след в истории римского мира III–IV веков, верил, что действует как «служитель» Бога или богов, и полностью полагался на сверхъестественное, ища руководства и поддержки в эпоху неопределенности. Это и церковные строители, такие как Киприан, епископ Карфагена (248–258), и императоры-реформаторы, Аврелиан (270–275) язычник, Константин христианин и Юлиан Отступник (361–363), и плодотворные и настойчивые гении, такие как святой Афанасий (ок. 296–373) и святой Августин.

Ощущение неминуемого «прорыва» божественной энергии во внутренний мир индивидуума вызвало революционные изменения. Для множества простых мужчин и женщин это означало ослабление формирующей силы классической культуры и предписаний, регулирующих поведение. Языческие и христианские тексты «нового настроения» разделяют интерес к «обращению» в его точнейшем смысле – то есть они полагают возможным, чтобы «реальная» божественная природа индивидуума внезапно проявилась вместо его нормальной социальной идентичности. «Переродившийся» ученик Гермеса Трисмегиста, «духовный» человек гностиков, крещеный христианин – каждый из них чувствовал, что между его новой жизнью и прошлым встала невидимая стена: своим новым образом поведения он был полностью обязан Христу, и ни в коей мере – обществу.

Идея «обращения» была тесно связана с идеей «откровения». Эти идеи пробили для среднего человека брешь в высокой стене классической культуры. С помощью «обращения» он получал то моральное совершенство, которое прежде было закреплено за греческим и римским аристократом в силу того, что он тщательно следил за собой и педантично следовал классическим образцам. С помощью «откровения» необразованный человек мог проникнуть

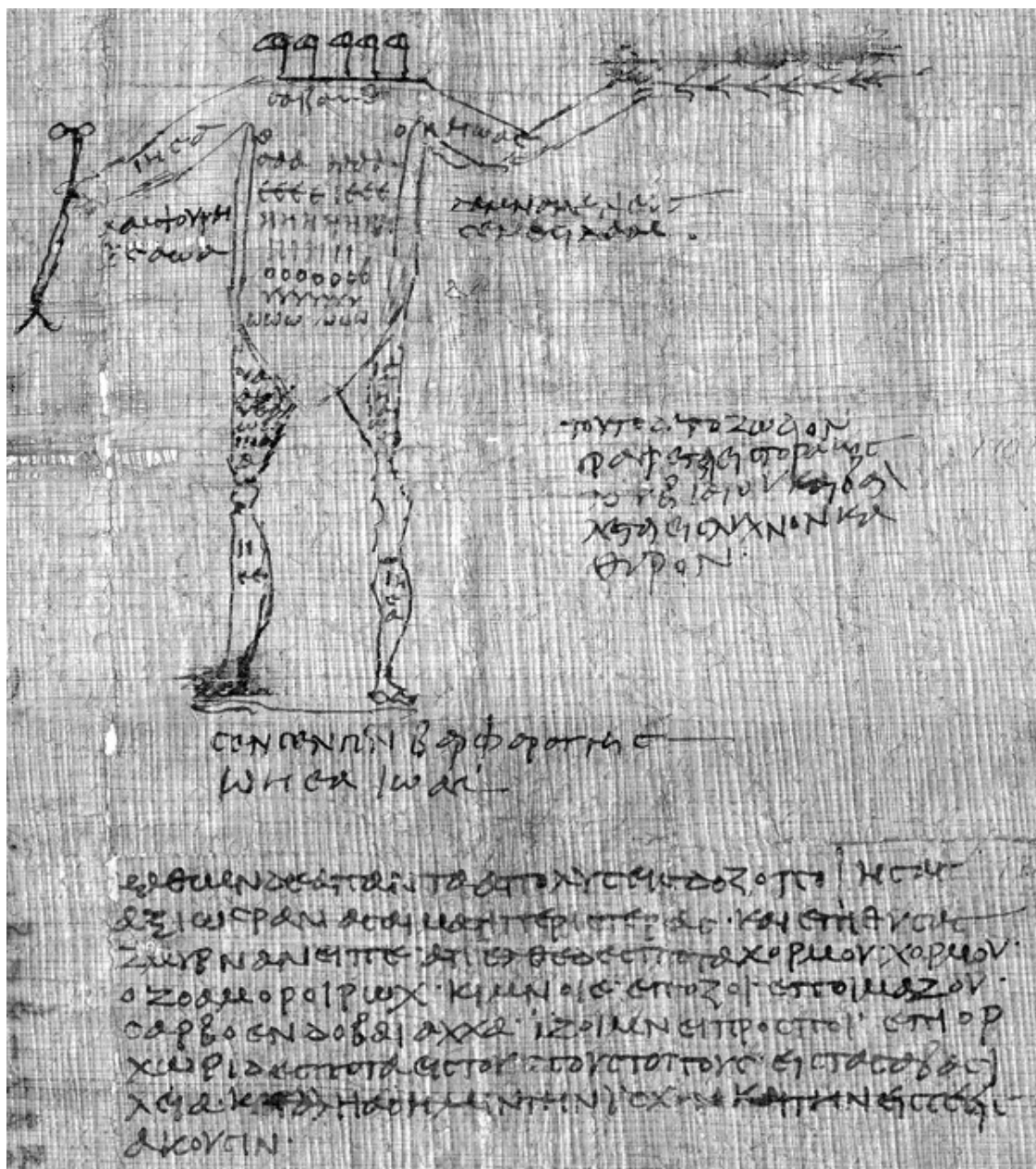
<sup>47</sup> Ср.: Евангелие Истины. Двенадцать переводов христианских гностических писаний / Пер. Д. Алексеева; под ред. А. С. Четверухина. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. С. 101 (*прим. пер.*).



в самую глубину животрепещущих вопросов, не подвергая себя высоким издержкам, профессиональной вражде и тяжкому традиционализму философского образования II века. Языческие философы, которые могли в чем-то разделять «новое настроение», оставались непримиримыми противниками христиан и языческих гностиков, которые опирались на упомянутые механизмы. Для такого философа, как Плотин, «откровение» было не только иррационально, оно вело к второсортным подделкам традиционной философской культуры. Это как если бы жители какой-нибудь развивающейся страны претендовали достичь современного западного технологического уровня, утверждая, что они изучили ядерную физику с помощью снов и пророчеств.

Люди, которые открыли в себе некое внутреннее совершенство, которые чувствовали себя способными к личному контакту с единым Богом, воспринимали проблему зла как более личную, более значительную. Созерцать «целое всех вещей», равнодушно принимать человеческие несчастья как многочисленные аварии на хорошо регулируемых дорогах вселенной – было явно недостаточно. Зачем тогда весь этот вихрь конфликтующих эмоций внутри нас? Отсюда и наиболее значительные изменения этой эпохи: окончательное обособление «демонов» как регулярных войск зла, против которых людям нужно было сражаться. Острый запах невидимой битвы витал над религиозной и интеллектуальной жизнью поздней Античности. Грешить больше не означало только лишь ошибаться – это значило допустить победу невидимых сил над собой. Ошибаться больше не означало лишь заблуждаться – это значило подвергаться манипуляциям незримой темной силы. Чем больше люди проникались этими идеями, тем более сильными казались им демоны. Так, христиане верили, что традиционное язычество было совсем не человеческим делом, а «опиумом народа», которым человеческий род «накачивали» не принадлежащие к человеческому роду демоны. А один ученый даже приписал неблагоприятные отзывы на свою книгу влиянию демонов!

Если демоны были звездами позднеантичной сцены, им требовался импресарио. И они нашли его в лице христианской Церкви. Вне христианства демоны оставались неоднозначными фигурами (больше всего похожими на привидения). К ним обращались, чтобы объяснить внезапную и абсурдную неудачу, отклонения от нормального образа жизни – бунт, чуму, неподобающие любовные связи. Их поминали так же часто, как сегодня поминают микробов, и столь же мало тревоги они вызывали. Однако христианство поместило их в центр своей картины мира. Христианская Церковь получила через поздний иудаизм наиболее судьбоносное для западного мира наследие зороастрийского Ирана – веру в абсолютное деление духовного мира на благие и злые силы, на ангелов и демонов. Людям, которых все больше беспокоила проблема зла, христианский подход к демонам давал ответ, призванный облегчить их тревогу: они сосредоточивали свою тревогу на демонах и в то же время предлагали средство от этого. Дьявол наделялся огромной, но строго определенной силой. Он являлся полномочным представителем зла в роде человеческом, но он был побежден Христом, и люди – представители Христа могли его сдерживать. Христиане были уверены, что они просто «зачищают» землю после битвы, которая уже была выиграна на небесах. Монахи относились к демонам с радостным беспокойством – как маленькие дети, которые пришли ко льву в зоопарке. Христианские епископы приступали к работе с горячим настроем революционера – они противостояли демонически организованному обществу, исполинскому, несущему пагубу и в то же время пустому и обреченному на гибель. Следовательно, хотя историк может найти множество разумных оснований социального и культурного характера, объясняя распространение христианской Церкви, факт остается фактом – во всей христианской литературе, начиная от Нового Завета, христианские миссионеры добивались успеха прежде всего с помощью актов экзорцизма и чудес исцелений, обнаруживая бессилие невидимых врагов человека, то есть демонов.



Илл. 16. Великий Безглавый: могущественный демон из магического папируса. Люди све-  
дущие надеялись повелевать такими демонами посредством магических книг; за хранение  
такой книги полагалась смертная казнь. Berlin Pap. 5026, IV век. Новый музей, Берлин.

Ничто так точно не раскрывает характер резкого и воинственного настроения III века, как та роль, которая отводилась демонам. Их стали отождествлять со злом, вторгающимся в жизнь при всякой болезни и неудаче. В то же время их присутствие не отягощало людей поздней Античности столь сильно, как нам это может показаться, поскольку они могли быть «изолированы» и изгнаны. Например, при болезни праведник мог «увидеть» демона в человеческом теле и изгнать его, при этом изгнанный демон часто принимал понятную, осязаемую форму конкретного объекта – мыши, рептилии или птицы. Так отношение человека к самому себе претерпело одно из наиболее глубоких и таинственных изменений. В эпоху Антонинов обнаруживается удивительно много цветущих ипохондриков: Элий Аристид составил себе капитал

из своего слабого здоровья; врач Гален (129–199<sup>48</sup>) являлся ведущим лицом интеллектуальной жизни римского общества. Их ипохондрия – симптом загадочный и тревожный – находила выражение в традиционных терминах греческой медицины: человек сосредоточивался на балансе жидкостей в своем организме. Более поздние поколения были склонны не принимать взгляд, согласно которому болезнь происходила от них самих: защита от нападения демонов занимала их больше, чем разлады в их внутреннем строении.



Илл. 17. Чудеса исцеления. Средний человек видел в Христе чудотворца. Даже язычники чтили его как могущественного волшебника. Фрагмент диптиха из слоновой кости (Диптих Эндрюса). Италия, 450–460 годы. Музей Виктории и Альберта, Лондон. © Victoria and Albert Museum, London.

<sup>48</sup> Точнее – 216 год (прим. ред.).

В целом «новое настроение» располагало к тому, чтобы люди чувствовали необходимость защитить свою идентичность, выстраивая вокруг нее четкие границы. Такие люди хуже укладывались в рамки своих сообществ и чувствовали себя не на своем месте в физическом мире. Они стояли особняком со своим единым Богом. Через обращение, через принятие откровения они отсекали себя от своего прошлого и от верований большинства своих сотоварищей. Они стояли на баррикадах в невидимой битве с демонами. Как следствие человек стал сильнее, чем прежде, ощущать необходимость продолжить существование в другой, лучшей жизни. В III веке усилилось влияние религиозных групп, провозглашавших, что их члены, которым приходилось ревностно защищать свое новообретенное чувство исключительности в этом мире, победят и обретут покой в мире ином. Посвященный в мистерии Митры, например, был вооружен против демонов, которые могли напасть на его душу, в то время как она после его смерти поднималась на небо по мирному свечению Млечного Пути. Сходные идеи выражены на изображениях в христианских катакомбах. В крещении верующий «похищался» из опасного мира сего: он отождествлялся с Даниилом, который спокойно стоял с распростертыми в молитве руками во рву львином. После смерти он наслаждался небесным «покоем» – *refrigerium*, – как некогда Иона, который укрылся от дневного жара в прохладной тени дерева.

Наиболее глубокая граница в мире поздней Античности прочерчивалась после смерти. Невидимая пропасть между спасенными и погибающими представляла собой как бы ров, окружающий небольшие группы как христиан, так и язычников, выгадавших себе там место, пожертвовав исконным консенсусом, основанным на традиционном общественном служении богам.

Эти идеи наложились друг на друга в век Антонинов. И поэтому их век выглядит так странно. Читая литературу высших классов классической эпохи, мы можем согласиться с Э. Гиббоном: «Если бы у кого-нибудь спросили, в течение какого периода всемирной истории положение человеческого рода было самое счастливое и самое цветущее, он должен бы был без всяких колебаний назвать тот период, который протек от смерти Домициана до восшествия на престол Коммода»<sup>49</sup> – ибо в этом он соглашался с суждением определенной группы современников о самих себе. Традиционная гражданская жизнь никогда прежде не имела такого пространства в Западной Европе. В греческом мире новая уверенность в себе выражалась в романтическом возрождении классической культуры и религии. Люди все еще уютно чувствовали себя в своих городах. Героями этого времени были не святые, а «софисты» – ораторы, которые играли в городах существенную роль (см. с. 19). Ведущий профессор риторики в Риме получал 100 000 сестерциев в год<sup>50</sup>.

В то же самое время христианский епископ Рима получал только 7000 сестерциев<sup>51</sup>. По всей видимости, его сообщество было ничтожно по сравнению с устойчивым сооружением классической общественной жизни. Он был непонятым эмигрантом в большом городе – как Карл Маркс в викторианском Лондоне. Но уже можно увидеть, почему в следующем веке христианский епископ мог выйти из забвения – на одно светило красноречия в Риме стала приходиться дюжина маленьких собраний – *didaskaleia* – кружков, объединивших ищущих людей. Это – и собственно христианская Церковь, и собрания гностика Валентина – «дети внутреннего понимания»<sup>52</sup> и молчаливо внемлющие ученики Гермеса Трисмегиста. В следующей главе мы узнаем, почему так случилось, что, когда цветущую общественную жизнь античных городов

<sup>49</sup> Гиббон Э. Закат и падение Римской империи / Пер. В. Н. Неведомского. Т. 1. С. 165 (прим. ред.).

<sup>50</sup> См., например: Светоний. Веспасиан. 18 (прим. пер.).

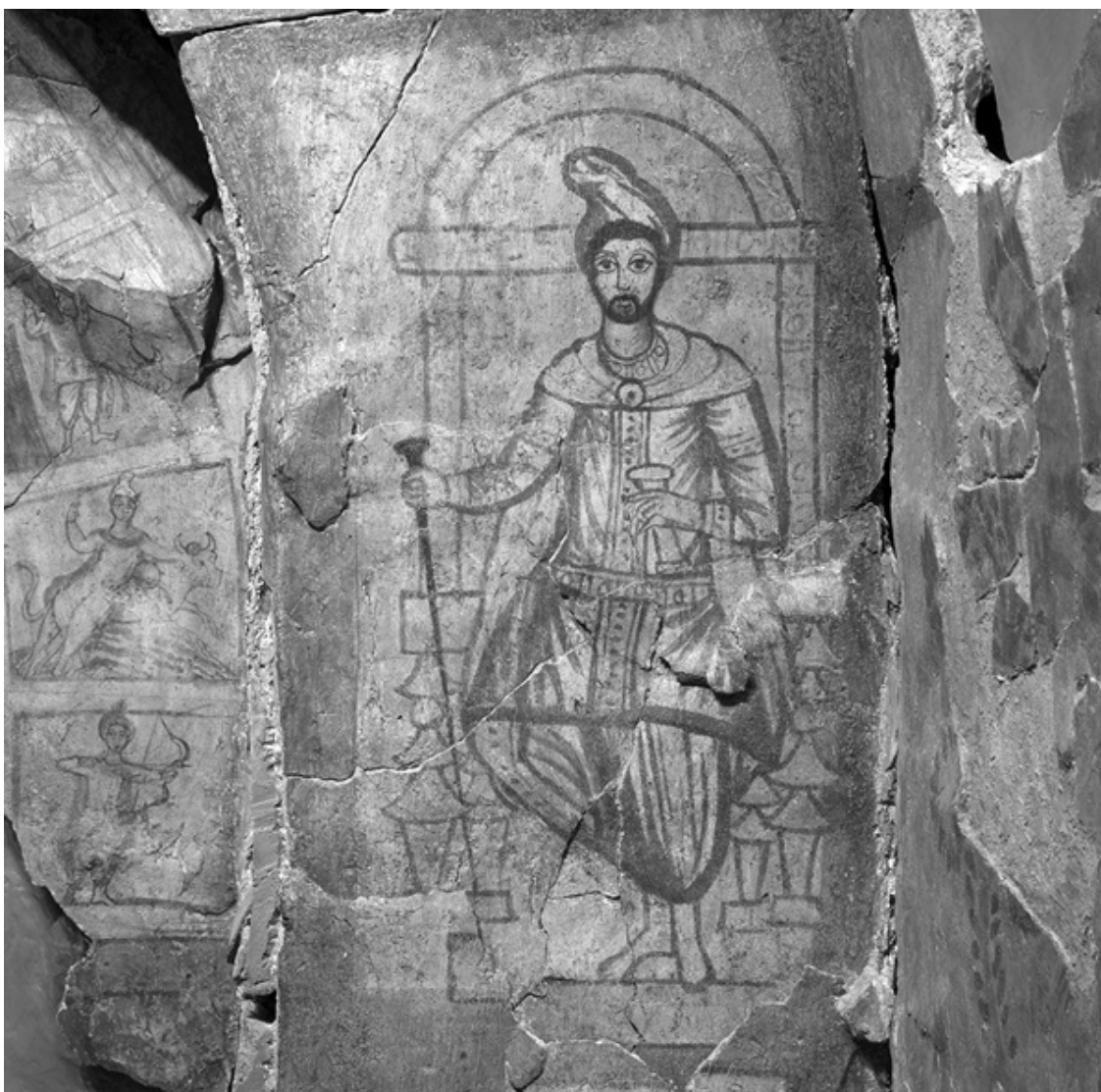
<sup>51</sup> Подобные расчеты строятся на сообщении Евсевия Кесарийского: Евсевий Кесарийский. Церковная история. V. 28. 10 (прим. пер.).

<sup>52</sup> Цитата из гностического Евангелия Истины. См.: Евангелие Истины. Двенадцать переводов христианских гностических писаний / Пер. Д. Алексеева; под ред. А. С. Четверухина. Ростов н/Д.: Феникс, 2008. С. 103 (прим. пер.).

после 240 года прихватил мороз чрезвычайного положения, мир, который скрытно возростал среди простых людей, вышел на передний план в виде организованной христианской Церкви.



*Илл. 18. Философ и его последователь, воздевающий руки в молитве. Как духовный наставник, «человек культуры» может даже спасать души. Фрагмент саркофага из базилики Санта Мария Антиква, Рим.*





*Илл. 19. Религиозные лидеры. Эта фреска II века из Дура-Европос показывает всю привлекательность Востока – в лице персидского священника. Зороастр считался одним из мудрецов классического мира, а персидская философия продолжала привлекать таких исконно греческих мыслителей, как Плотин. Фото: Yale University Art Gallery, New Haven, Conn.*

## 5. Кризис городов: возвышение христианства, ок. 200–300 годов

В редкие эпохи одна половина общества жила в таком непоколебимом безразличии по отношению к другой, как в Римской империи II века. Рим делился на «две нации», как позже напишет Дизраэли о викторианской Англии<sup>53</sup>. Традиционные правящие классы гордились тем, что сохраняли древние особенности своих родных городов. Афиняне, например, по инициативе императора Адриана завершили строительство храма Зевса Олимпийского после перерыва по крайней мере в 638 лет! Они использовали дорогие Т-образные скобы, в которых не было необходимости, чтобы в точности повторить здание V века до н. э. Греческая аристократия дорожила местными обрядами и жречеством как гарантией их местного статуса и из страха, что огромная империя, в которой они находятся, станет «чашей пыли»<sup>54</sup> в культурном отношении. Они настаивали на видении римского мира как мозаики различных городов и племен. В общем мировоззрении эпохи особое место занимали ломкие соты местного патриотизма: греческие города выпустили целый поток монет, прославляя каждого своего бога; а один африканский город резюмировал эту тенденцию надписью: «Больше мощи родному городу!»

Однако в то же самое время молодой студент Татиан смог совершить путешествие от восточной сирийской окраины Римской империи до самого Рима, на протяжении всего пути говоря по-гречески и участвуя в единой греческой философской и культурной жизни. Он вернулся домой недовольным и – христианином. Его поразили резкий сепаратизм городов империи. У каждого города свои законы; каждый управляется узким кругом олигархов. «Должен быть один и общий для всех [закон и политический] образ жизни»<sup>55</sup>.

Татиан говорил от лица тысяч людей, чей опыт Римской империи был диаметрально противоположным опыту правящих классов. Для образованного греко-римского аристократа имперский мир предоставлял возможность холить и лелеять обычаи своего древнего города. Для простого человека он ничего подобного не значил: он открывал широкие горизонты и невиданные ранее возможности для путешествий; он означал стирание местных особенностей в процессе торговли и эмиграции; снижение древних барьеров перед новым богатством и новые критерии статуса. Неприметно благодаря Римской империи в низших классах исчезла преданность местным элитам и чувство традиции, от которых зависели высшие классы.

В то время как греческие города эгейского побережья Малой Азии гордились тем, что сохранили местные особенности (и даже земельные наделы!) с V века до н. э., жители внутренней части полуострова – Фригии, Вифинии, Каппадокии – вступили в новый мир. Их купцы были все время в движении в поисках новых возможностей на развивающихся территориях

---

<sup>53</sup> См.: Дизраэли Б. Сибилла, или Две нации. М.: Ладомир: Наука, 2016. 840 с. Под двумя нациями Б. Дизраэли, граф Биконсфилд (1804–1881), политический деятель Викторианской эпохи, многолетний лидер партии тори, неоднократно занимавший пост премьер-министра Великобритании, подразумевал бедных и богатых (*прим. ред.*).

<sup>54</sup> «Чаша для пыли» (вар.: «пыльный котел») (англ. Dust Bowl) – изначально: наименование района бедствия 1930 года, расположенного между штатами Оклахома, Канзас и Техас, пострадавшего от засухи и серии пыльных бурь. В переносном смысле – любой район, подвергшийся этому стихийному бедствию (*прим. ред.*).

<sup>55</sup> Ср.: «Поэтому осудил я и ваше законодательство. Ибо следовало бы, чтобы у всех был один общий образ жизни. Ныне же сколько видов городов, столько и законоположений, так что то, что у некоторых позорно, для других добродетельно» (Татиан. Слово к эллинам. 28 (пер. Д. Е. Афиногенова) // Раннехристианские апологеты II–IV вв. Переводы и исследования. М.: Ладомир, 2000. С. 109) (*прим. ред.*).

Западной Европы и нередко оседали далеко от своих родных городов. Один фригийский купец, например, побывал в Риме за свою жизнь 72 раза<sup>56</sup>.

Именно люди, вырванные из своей прежней жизни и брошенные на произвол судьбы, создавали фон для тревожных раздумий религиозных лидеров конца II века. Успешный предприниматель, администратор из вольноотпущенников, женщина, чье положение и образование медленно улучшались, обнаружили, что более не являются жителями своих привычных городов, но – «гражданами мира». Многие, как выясняется, находили этот мир местом одиноким и безличным. Именно среди таких людей мы находим христиан. К 200 году христианские общины пополнялись не за счет «смиранных и угнетенных» – это были группы небогатых горожан и уважаемых городских ремесленников. Будучи далеко не обездоленными, эти люди нашли в Римской империи новые возможности и процветание, но им приходилось думать о том, как справиться с тревогами и неопределенностью их нового положения.

Археология Римской империи очаровывает среди прочего тем, что мы можем очень ясно наблюдать по крайней мере некоторые из способов, с помощью которых простые люди, обладающие чувством собственного достоинства, стремились выстроить свой образ жизни, выбрать объект для почитания, завязать человеческие отношения в городах, которые стали более космополитичными и менее уютными, где старые ориентиры исчезали.

Распространение восточных культов в Западной Европе, например, – широко известная особенность I и II веков. Эти культы распространялись, потому что они давали переселенцам, а потом и местным последователям ощущение причастности, ощущение приверженности, которого им не хватало в официальных мероприятиях своего города. Есть трогательные свидетельства роста маленьких клубов, состоявших из зажиточных бедняков. Можно было обедать с товарищами по клубу при жизни, они же погребут и будут поминать тебя после смерти. Распространение руководств по астрологии, колдовству, сонников показывает в более мрачном свете, насколько важно для новой публики, состоящей из людей малообразованных, было ощущать, что они сами управляют своей жизнью, темп которой увеличился.

Во всем этом мировоззрение высших классов римского мира противоречило опыту наиболее состоятельных плебеев в городах. Философская культура греческого мира была на пике распространения; но в то же время греческие высшие классы отказывались от живого и гибкого греческого языка, *koinē*<sup>57</sup>, который являлся *lingua franca*<sup>58</sup> всего Востока, в пользу архаического аттического стиля, которым могла пользоваться только тонко образованная элита. В ответ на вопрос, как бы он наказал разбойника, один ритор ответил: «Заставьте его учить наизусть древних классиков, как это пришлось делать мне!»<sup>59</sup> Таким образом, элита воздвигала высокую стену вокруг своей культуры и, следовательно, косвенно лишала ищущих пролетариев-интеллектуалов права голоса. Гностическая и герметическая литературы показывают, как сильно люди все еще жаждали усвоить греческую философскую культуру, чтобы решить свои насущные проблемы. И если они не могли пойти к профессорам, чтобы получить желаемое, они, как правило, шли к религиозным лидерам, в устах которых банальности из пыльных аудиторий поражали новообращенных непосредственностью и простотой «откровения». С высоты бастионов классической культуры некоторые писатели уже обратили взор на темный мир, под натиском которого они оказались. Гален (показательным образом он столкнулся с тем, что его

<sup>56</sup> Имеется в виду Флавий Зевксис из Иераполя (Памуккале, Турция), о путешествиях которого сообщает надпись на его мавзолее (конец I – начало II века н. э.). См.: *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes* / Ed. R. Cagnat, G. Lafaye. T. 4. Paris, 1927 (Repr. 1975). P. 290–291 (№ 841) (прим. пер.).

<sup>57</sup> Κοινή Ἑλληνική (досл. «общий греческий») – единый древнегреческий литературный язык, который стал формироваться на основе диалектов в IV веке до н. э. (прим. ред.).

<sup>58</sup> Язык межэтнического общения (лат.) (прим. ред.).

<sup>59</sup> Речь идет об одном из учителей уже упоминавшегося Аристиды – Полемоне Лаодикейском (ок. 90–144). См.: Флавий Филострат. *Жизни софистов*. I. 25. 541 (прим. пер.).

профессия медика была наводнена безграмотными энтузиастами) отметил, что для христиан, благодаря их простецким словам и заповедям, стало возможным жить согласно высочайшим максимам античной этики. Христианские апологеты похвалялись именно этим достижением. Платон, говорили они, подавал благородную пищу с причудливыми приправами, а апостолы готовили для масс в бесплатной столовой здорового питания!<sup>60</sup>

---

<sup>60</sup> О Галене и сравнении Платона с христианами, о котором пишет Ориген, см.: *Доддс Э. Р. Язычник и христианин в смутное время: Некоторые аспекты религиозных практик в период от Марка Аврелия до Константина* / Пер. с англ. А. Д. Пантелеева и А. В. Петрова; общ. ред. Ю. С. Довженко. СПб.: Гуманитарная академия, 2003. С. 194–195 (*прим. пер.*).



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.